

Джонсон Бен

Заговор Катилины

Бен Джонсон

Заговор Катилины

Трагедия в пяти действиях

Перевод Ю. Корнеева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дух Суллы.

Луций Сергий Катилина.

Публий Корнелий Лентул.

Кай Цетег.

Автроний.

Квинт Курий.

Варгунтей.

Луций Кассий Лонгин.

Порций Лека.

Фульвий.

Луций Бестия.

Габиний Цимбр.

Стаилий.

Цепарин.

Кай Корнелий.

Тит Вольтурций.

Марк Туллий Цицерон.

Кай Антоний.

Катон.

Квинт Катул.

Красс.

Кай Юлий Цезарь.

Квинт Цицерон, брат Марка.

Силан.

Флакк.

Помтиний.

Квинт Фабий Санга.

Петрей.

Сенаторы.

Послы аллоброгов.

Аврелия Орестилла.

Фульвия.

Семпрония.

Галла.

Воины, привратники, ликторы, слуги.

Народ.

Хор.

Место действия Рим и Фезулы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дом Катилины в Риме.

Появляется дух Суллы.

Дух Суллы

Ужель так ночь глуха, так я незрим,

Что шаг мой не разбудит сонный Рим?

Ужели, как землетрясенье страшный,

Дух Суллы * не заставит эти башни

Челом к земле склониться, камни стен

Обрушиться и превратиться в тлен,

А Тибр - разлиться, хлынуть на руины

И затопить семи холмов * вершины?

О Рим, твой сон - не смерть, но с нею схож.

Проснись. Я появился. Ты падешь.

В моей груди твоя погибель скрыта.

Пришел я, как гнилой туман с Коцита,*

Чтоб день померк и воцарилась тьма,

Чтобы заразой злобная чума

Через мои уста на мир дохнула.

Задний занавес поднимается, открывая Катилину, который сидит за столом.

Наследуй, Катилина, душу Суллы,

И пусть то злое, что содеял он,

Тебе поможет повторить Плутон.*

Нет, этого для Катилины мало!

Все, что страшило даже Ганнибала,*

Все планы Гракхов,* Мариев * и Цинн,*

Все, что свершить бы мог лишь я один,

Когда б опять покинул мир загробный,

Все, что измыслить демоны способны,

Задумай и осуществи сполна.

Пусть расцветут злодейством семена

Твоих изменнических устремлений.

Иди вперед стезею преступлений

И новыми былые затмевай.

Распутничай, насилуй, убивай,

Как прежде обесчестил жрицу Весты; *

Как тайно, ради молодой невесты,

Которой жаждал этим угодить,

В родного сына нож велел всадить;

Как - этот грех всех остальных страшнее

Ты сделал дочь свою женой своею;

Как отнял жизнь у брата своего,

А я в проскрипционный лист * его

Внести посмертно отдал повеленье,

Чтоб наградить тебя за умерщвление

Сенаторов, боровшихся со мной;

Как ложе ночью ты делил с сестрой.

Нет, это удовлетворить не может

Тебя, кому на плечи рок возложит

Иную, небывалую вину,

Кто призван погубить свою страну.
Хоть был твой первый опыт неудачен,*
Возобновить его ты предназначен.
Все злое, что известно на земле,
Что родилось в угрюмой адской мгле,
Войну, пожары, голод и заразу,
Своей отчизне принесешь ты сразу.
Ты превзойдешь тиранов всех веков
Свирепостью честолюбивых ков.
Иди ж от злодеянья к злодеянью,
Топи в крови о них воспоминанье.
Пусть не дает с преступного пути
Тебе боязнь возмездия сойти;
Пусть совесть замолчит в тебе отныне;
Пусть небо оскорбит твоя гордыня;
Пусть, видя, каковы твои дела,
Бледнее станет день, чернее - мгла;
Пусть в ослепленный Рим придут с тобою
Убийства, похоть, ненависть, разбой;
Пусть лишь затем прозреет он опять,
Чтоб в ужасе на свой пожар взирать;
Пусть кровожадностью твои клеветы
Соперничать с тобой ни в жизни этой,
Ни в мрачных безднах ада не дерзнут,
Чтоб фурии,* когда они начнут
Терзать тебя, слетясь к твоей могиле,
К твоим злодеяниям зависть ощутили!
(Исчезает.)

Катилина

(вставая и выходя на передний план)
Так суждено. Передо мной склониться
Ты должен, Рим. Пусть на твою защиту
Поднимутся моря, Холмы восстанут,
Пусть даже мне придется распахать
Туманных Альп скалистые отроги
И в небеса плеснуть волной тирренской,
Но ты мне покоришься, гордый город!
От кары за былые преступления
Меня спасут лишь новые. Мой дух
Давно уже бранит за праздность руки,
Отвыкшие удары наносить.
Как! Мне ли, кто величьем равен Риму,
Кто вправе притязать на все отличья,
Награды, лавры, почести, кто мог бы
Взвалить себе на плечи бремя славы
Отечества, как небосвод Атлант,
Мне ль примириться с тем, что недостойной
Народ почел мою кандидатуру
На выборах, когда я домогался
Командования в войне Понтийской.*

Но раз отчизна мне уже не мать,
А мачеха, то вправе я забыть
Сыновний долг и превратить ее
Бесчувственную, как гранит, утробу
В подножье трона моего, который
Покажется ей тяжелее всех
Чудовищ, ею выношенных в чреве,
С тех пор как Марс познал ее впервые.*
Входит Аврелия Орестилла.
Кто там?
Аврелия
Я.
Катилина
Ты, Аврелия?
Аврелия
Да, я.
Катилина
Войди ко мне в покой, как луч денницы,
И Феба разбрани за то, что он
Твою красу облечь сияньем медлит.
Но почему нахмурила ты брови?
Иль слишком долго я не целовал
Твои уста?
(Целует ее.)
Ну, чем я провинился?
Аврелия
Ты знаешь сам, раз говоришь об этом.
Катилина
О, я свой грех заглажу.
Аврелия
Но когда?
Катилина
Тогда, когда, простив меня за то,
Что часто для раздумий одиноких
Ее я покидаю, Орестилла
Позволит мне владычество над миром
Отнять у Рима, чтобы ей отдать.
Аврелия
Ты начал льстить?
Катилина
Всегда готов я льстить
Той, чьи лобзанья сладостней нектара,
Лишь бы она меня хотела слушать.
Ужель сочла Аврелия, что к ней
Я холоднее стал, чем до женитьбы,
Когда, ища ее руки и в дом
Решив ее ввести хозяйкой полной,
Я устранил жену и сына? Нет,
Кто так начнет, тот должен кончить большим,
А кто назад вернется с полпути,

Тому и в путь не стоило идти.
Знай, я придумал, как тебя возвысить,
Как отплатить за ту любовь, с которой
Ты, принеся мне в дар свое богатство,
Спасла меня, когда я шел ко дну,
И не дала корабль моей судьбы
Житейской буре потопить. За это
Он Орестиллу вознесет до звезд,
Едва лишь забурлит поток событий
И гребни волн взметнутся к небесам.
Но пусть моя любовь во всем, как я,
Себя ведет. Ведь я имею дело
Со многими и разными людьми.
Иных беру я лестью. Так, Лентулу
Я голову вскружил, твердя ему,
Что знатный род Корнелиев, к которым
Принадлежит он, высшей власти в Риме
Добиться должен трижды; что об этом
Написано в одной из книг Сивиллы.*
Я авгурам * дал денег, и они,
Истолковав, как я велел им, запись,
Уверили его, что он вослед
За Цинною и Суллой будет третьим.*
В Цетеге же надменном похвалами
Я так отвагу подогрел, что стала
Она опасным ядом безрассудства,
Что он готов вступить с богами в бой,
Обняться с молнией и у циклопов,*
Ее кующих, вырвать их орудья.
Мне стоит только знак подать, и он
Пойдет на все. В других я распаляю
Их злобу против Рима за обиды,
Которые им нанесла отчизна.
Так, вышеназванный Лентул и Курий
Подверглись исключенью из сената *
И ныне жаждут отомстить жестоко
И смыть бесчестье со своих имен.
Иным, обыкновенным честолюбцам
Автронию и Леке, Варгунтею
И Бестии, мечта которых - стать
Наместниками областей далеких,
Я обещанья щедро раздаю.
Иных, кого ко мне толкает алчность,
Как многих праздных ветеранов Суллы,
Как многих римских нобилей,* именье
Отцовское спустивших и увязших
Так глубоко в долгах, что головы
За золото они не пожалеют,
Мы временно возьмем на содержание
И в нашем доме приютим, равно как

Всех тех, кто грешен иль грешить намерен,
Кого закон преследует иль просто
Страшит. Такие люди и без нас
Для мятежа давно уже созрели.
Иных, тех ветреников, для которых
Вся жизнь - в собаках, лошадях и шлюхах,
Мы развлеченьями прельстим. Но знай,
Что раз они для нас рискуют жизнью,
То и для них должны мы поступиться
Достоинством своим. Ты, дорогая,
Им двери дома нашего открой
И предоставь широкий выбор женщин,
А мальчиков уж я добуду сам.
Будь ласкова с гостями. Занимай их,
Устраивай для них пиры ночные
С участием знатнейших и умнейших
Красавиц Рима. Пусть беседа будет
Такой же вольной, как и обхождение.
Пусть люди к нам охотно в дом идут
На зло и зависть хмурому сенату.
Нельзя скупиться нам ни на расходы,
Ни на притворство. Что ни час, должны мы,
Я - как Юпитер, как Юнона - ты,
Друзьям являться под личиной новой *
И сразу же, как в ней нужда минет,
Менять ее с такой же быстротою,
С какой меняют маску на лице
Иль место действия в театрах наших.*
Шум за сценой.
Чей это голос? Кажется, Лентула.
Аврелия
Или Цетег.
Катилина
Пусть войдут. А ты,
Аврелия, слова мои обдумай
И помни: люди видеть не должны,
Что лишь как средство нам они нужны.
Аврелия уходит.
Входят Лентул и Цетег, разговаривая между собой.
Лентул
День предвещает грозные события.
Мрачна и медленна заря, как будто
Воссела смерть на колесницу к ней.
Персты ее - не розовы,* а черны;
Лик - не румян и светел, а кровав;
Чело больное тучами обвито,
И кажется, что ночи, а не утру
Предшествует она, и не отраду,
А ужасы и скорбь земле несет.
Цетег

Лентул, не время толковать приметы.
Мы не для слов явились, а для дел.
Катилина
Достойно сказано, Цетег отважный!
А где Автроний?
Цетег
Как! Он не пришел?
Катилина
Его здесь нет.
Цетег
А Варгунтея?
Катилина
Тоже.
Цетег
Пусть молния спалит в постели тех,
В ком лень и праздность доблесть усыпили!
И это римляне! И это в час,
Который все решит!
Лентул
Они, а также
Лонгин, Габиний, Курий, Фульвий, Лека
Вчера мне в доме Бестии клялись,
Что до света здесь будут.
Цетег
Ты б и сам
Проспал, когда бы я тебя не поднял.
Мы все - ленивцы, сонные, как мухи,
Медлительные, как вот это утро.
Как лава, наша кровь окаменела.
Лед равнодушья оковал нам души,
И честь в нас волю не воспламенит,
Хоть нас и жжет желаний лихорадка.
Катилина
Я удивлен. Терпимо ль опозданье
В столь важном деле?
Цетег
Если б даже боги
Имели дело к ним, и то б они
Спешили с той же черепашей прытью.
Ведь эти люди медлят в предприятии,
Вселяющем в самих бессмертных зависть,
Затем что по плечу оно лишь их
Объединенным силам. Я хотел бы,
Чтоб пепел Рима был уже развеян,
Сокрушено владычество сената
И воздух над Италией очищен
От многословной гнили в красных тогах! *
Катилина
Вот это речь мужчины! О душа
Великих наших планов, как люблю я

Твой смелый голос слышать!
 Цетег
 Где вы, дни
 Правленья Суллы, при котором волен
 Был каждый меч свободно обнажаться?..
 Катилина
 Когда копался он в утробе вражьей,
 Как авгуры во внутренностях птиц... _
 Цетег
 Когда отца мог сын убить, брат - брата...
 Катилина
 И быть за это награжден; когда
 Вражда и злоба удержу не знали...
 Цетег
 Когда, напыжась, чтоб страшней казаться,
 По улицам убийство шло, и кровь,
 Река которой уносила трупы,
 Ему до самых бедер доходила;
 Когда от смерти не могли спасти
 Ни пол, ни возраст...
 Катилина
 Ни происхождение...
 Цетег
 Когда она косила и детей,
 Стоявших только на пороге жизни,
 И хилых стариков, чьи дни природа
 Не прерывала лишь из сострадания,
 И дев, и вдов, и женщин, плод носивших,
 Всех...
 Катилина
 Кто виновен был уж тем, что жил.
 Считали мы тогда, что слишком мало
 Лишь тех, кто нам опасен, убивать.
 Одних мы истребляли для наживы,
 Других же - просто, чтобы счет был равным.
 Цетег
 В ту пору был косматому Харону *
 Потребен целый флот, а не ладья,
 Чтоб тени всех усопших в ад доставить.
 В утробе хищников не умещались
 Тела, из коих душу страх изгнал,
 И с трупами лежали вперемешку
 Те, кто, спасаясь, на бегу упали.
 Катилина
 Вернется это время. Нужно только,
 Чтоб третий из Корнелиев - Лентул
 Взял в Риме власть.
 Лентул
 Сомнительное дело!..
 Катилина

Что?
Лентул
Я хотел сказать - оно неясно,
И речь о нем вести пока не стоит.
Катилина
Кто вправе усомниться в предсказаниях
Сивиллы, подтверждаемых к тому же
Священной коллегией жрецов?
Лентул
Но смысл любого предсказания темен.
Катилина
А этого, напротив, очевиден
И так обдуман, взвешен и проверен,
Что никаких иных толкований
Не может быть.
Лентул
А сам в него ты веришь?
Катилина
Как верю в то, что я люблю Лентула.
Лентул
Да, авгуры твердят, что прорицанье
Относится ко мне.
Катилина
На что ж иначе
Была бы им наука?
Лентул
Цинна - первый...
Катилина
За Цинной - Сулла, а за Суллой - ты.
Да это же ясней, чем солнце в полдень!
Лентул
Теперь, когда по улицам иду я,
Все на меня внимательнее смотрят.
Катилина
Еще б им не смотреть! Зашла звезда
Как Цинны, так и Суллы. Каждый ищет
Глазами восходящее светило.
Цетег, да посмотри же на Лентула!
Вид у него такой, как будто он
Простер с угрозой скипетр над сенатом,
И ужас вынудил пурпуросцев
Свои жезлы на землю побросать,
И пламя размягчило бронзу статуй,
И стон пенатов * возвестил, что в муках
Порядок новый родина рождает,
И кровью стены начали сочиться,
И камни пред крушением с мест сошли.
Цетег
Что толку! Нам не вид, а дело нужно.
Лентул

Я - лишь твое создание, Сергей. К власти
Корнелия не родовое имя,
Не откровенья темные Сивиллы,
А Катилина приведет.
Катилина
Я - тень
Достойного Лентула и Цетег,
Чад Марса.
Цетег
Нет, я им самим клянусь,
Родитель мой - не он, а Катилина,
Чья доблесть столь безмерна, что земля
Ее вместить не может.
Голоса за сценой.
Вот они.
Мы досыта теперь попустословим.
Входят Автроний, Варгунтей, Лонгин, Курий, Лек, Бестия, Фульвий, Габиний,
другие заговорщики и слуги.
Автроний
Привет, достойный Луций Катилина!
Варгунтей
Привет, наш Сергей!
Лонгин
Публию Лентулу
Привет!
Курий
И я приветствую тебя,
О третий из Корнелиев!
Лека
Привет
Тебе, мой Кай Цетег!
Цетег
Не заменяют
Приветы дело...
Катилина
Милый Кай, послушай...
Цетег
Иль лень, как колпачок на ловчей птице,*
Глаза закрыла вам? Иль вы боитесь
Взглянуть в глаза нахмуренному дню?
Катилина
Лишь движимый заботою о деле,
Он вас бранит, друзья, за опоздание.
Цетег
Предавшись сну и праздности, вы стали
Рабами собственных рабов!..
Катилина
Цетег!
Цетег
О души ледяные!

Катилина
Успокойся!
Бестия
Мы все поправим - лишь не горячись.
Катилина
Мой благородный Кай, ты слишком пылок.
(К одному из слуг.)
Иди, запри все двери, чтоб никто
К нам не вошел.
Слуга уходит.
(К остальным слугам.)
Ступайте и велите
Жрецу убить того раба,* который
Вчера был мной ему указан. Кровь
Налейте в чашу и, пока не кликну,
За дверью ждите.
Слуги уходят.
Варгунтей
Что это, Автроний?
Автроний
Лонгин, ты видишь?
Лонгин
Курий, что случилось?
Курий
В чем дело, Лека?
Варгунтей
Что произошло?
Лонгин
Какой-то тайный ужас леденит
Мне душу.
Сцена погружается в темноту.
Лека
Иль глаза мои померкли,
Иль свет погас...
Курий
Как на пиру Атрея.*
Фульвий
Густеет мгла.
Лонгин
Мне кажется, что пламя
Потухло в храме Весты.
Из-под земли раздается стон.
Габиний
Что за стон?
Цетег
Пустое! Мрак, царящий в наших душах,
Вокруг себя мы видим с перепугу.
Стон повторяется.
Автроний
Вновь стон!

Бестия
Как будто целый город стонет.
Цетег
Мы сами в страх себя вгоняем.
Вспыхивает свет.
Варгунтей
Свет!
Курий
Глядите, свет!
Лентул
Все ярче он пылает.
Лека
Откуда он?
Лонгин
Кровавая рука
Над Капитолием возносит факел
И машет нам.
Катилина
Смелей! То вещий знак:
Судьба нас ободряет...
Цетег
Вопреки
Гнетущей душу мгле. Итак, за дело!
Кто медлит - гибнет. Изложи нам, Луций,
То, для чего мы собрались сюда.
Катилина
О римляне, когда бы ваша доблесть
Вам не давала прав на это имя,
Не стал бы я бесцельно тратить слов
И тешиться несбыточной надеждой,
За явь мечту пустую принимая.
Но с вами я не раз делил опасность
И знаю, что отважны вы и стойки,
Что совпадают наши устремленья
И что одно и то же ненавистно
И мне, и вам, чьей дружбы я ищу.
Поэтому заговорить решился
Я с вами о великом предприятии,
Хоть каждому из вас поодиночке
Уже успел открыть свой план, ревнуя
О славе Рима. Но сейчас пред всеми
Необходимо изложить его,
Затем что мы погибнем, если только
Вернуть себе свободу не сумеем
И с плеч не сбросим тяжелое ярмо.
Да, да, ярмо! Как назовешь иначе
Власть кучки олигархов над народом,
Который зрелищами усыпляют
И грабят эти люди? Платят дань
Им все тетрархи * и цари земные.

Их осыпают золотом все страны.
Не в римскую казну - в их сундуки
Текут богатства мира. В то же время
Мы, знатные и смелые мужи,
Низведены до положенья черни,
Как будто наш удел - есть черный хлеб
Да щеголять в отрепье грубошерстном.
Для нас нет ни отличий, ни наград,
И мы при виде ликторов * трепещем,
А между тем - будь в Риме справедливость
Пред нами топоры они б несли.
Нет доступа нам к должностям почетным.
На долю достаются нам лишь иски,
Гонения, обиды и насмешки.
Доколе будем это мы терпеть?
Не лучше ли со славою погибнуть,
Чем жизнь влачить в бесчестье и нужде
И выносить спесивое глумленье?
Клянусь богами, разум наш остер,
Могучи руки и сердца бесстрашны
В отличие от власть имущих старцев,
Согбенных грузом золота и лет.
Смелее! Нужно лишь за дело взяться
И ожидает нас успех!
Цетег и Лонгин
(одновременно)
За дело!
Курий и Бестия
(одновременно)
Веди нас, Сергей!
Катилина
Душу мне язвит,
Как всем, в ком есть душа, в ком есть хоть капля
Мужской отваги, - мысль о том, что кто-то
Купается в деньгах, их расточает
На пиршества, еду, вино, постройки,
Бросает их на ветер, возводя
Холмы в низинах и холмы срывая,
Чтобы на месте их создать низины,
А мы концы с концами еле сводим;
Что у кого-то - виллы и дворцы,
А наш очаг согреть богов домашних
И то не в силах. Богачи скупают
Эфесские картины,* тирский пурпур,*
Аттические статуи, посуду
Коринфскую,* атталову парчу *
И отдают доход с провинций целых
За греческие геммы,* на Востоке
Добытые солдатами Помпея.
Не хватит устриц в озере Лукринском *

И птиц на Фазисе,* чтоб их насытить.
Они Цирцей * к себе за стол зовут,
Чтоб сдобрить речью вольною обжорство.
Им старые жилища не по нраву
И строят новые они, но если
Найдут, что стены искажают звук,
То сносят дом и снова начинают
Работы - словом, безрассудно тщатся,
Глумясь над голодающим народом,
Растратить непомерные богатства,
Которые украли у него же.
Напрасный труд! Им по карману все
Купальни, рыбные садки, теплицы.
У них довольно средств, чтоб по каналам
Морскую воду в город подвести
Или, напротив, преградить ей путь
Плотинами величиною с гору
И, чтобы их воздвигнуть, вырвать ребра
У матери-земли, чью грудь за мрамор
Не меньше, чем за золото, калечат.
А мы сложили руки и глядим
На все это, как зрители в театре,
Которые не слышат, что трещит
Скамья под ними. Не дают покоя
Нам бедность дома и долги на людях.
Нищаем мы, надежды наши блекнут,
Всех нас крушение ждет. Друзья мои,
Воспряньте и свободу отвоюйте!
Вас за отвагу вашу наградит
Фортуна славой, честью и богатством.
Я мог бы этих слов не говорить,
И все равно стечение обстоятельств
Угроза разоренья, миг удобный,
Война, сулящая добычу Риму,*
Вас натолкнули бы на те же мысли,
Я - ваш душой и телом. Я согласен
Служить вам хоть солдатом, хоть вождем.
Поверьте мне, я все желанья ваши,
Став консулом, осуществить сумею
И, коль мои надежды не бесплодны,
Добьюсь, чтоб снова стали вы свободны.
Цетег
Свободны!
Лонгин
Вольность!
Курий
За нее мы встанем!
Катилина
Достойные слова! Нам остается
Теперь скрепить торжественною клятвой

Наш замысел.
Цетег
И к делу перейти:
Удар отсрочив, мы его ослабим.
Автроний
Но до того как взяться за оружие,
Не худо бы подумать лишний раз,
Есть ли у нас надежды на победу...
Варгунтей
И на кого мы можем опереться.
Катилина
Как! Неужель мои друзья считают,
Что я витаю где-то в облаках,
Их доблестными жизнями играя,
Что, уповая на одну удачу,
Помощником своим избрал я риск,
А целью и наградой - смерть? Не бойтесь:
Я взвесил все. Поймите, свыкся Рим
С тем, что ему никто не угрожает.
Беспечно спит сенат. Наш заговор
Ему не может и во сне присниться.
Он слаб. Его отборные войска,
Которые могли б нам быть опасны,
Ушли с Помпеем в Азию. А теми,
Которые остались под рукой,
Командуют друзья мои и ваши:
Испанской армией Кней Пизон
И Мавританской - Нуцерин. Обоих
Давно вовлек я в наше предприятие.
Я добиваюсь консульства. Со мной
Разделит эту должность Кай Антоний,
Который мыслит так же, как и мы,
И будет делать то, что мне угодно.
Помимо этих трех, у нас немало
Иных друзей, надежных и могучих.
Покамест я не вправе их назвать,
Но в нужный час они примкнут к нам сами.
Итак, сопротивленья мы не встретим
И, не скупясь, себя вознаградим.
Мы, первым делом, все долги отменим,
Приостановим иски и взысканья,
Что против нас обращены законом,
Проскрипции подвергнем богачей,
Как делал Сулла. Завладеем мы
Их землями, дворцами и садами.
Все должности между собой поделим.
Дадим одну провинцию Цетегу,
Другую - Варгунтею, третью - Леке,
А в Риме власть к Лентулу отойдет.
Друзья, все станет вашим: наслажденья,

Богатство, сан жрецов, магистратура,
 А Катилина будет вам служить.
 Ты хочешь, Курий, смыть с себя бесчестье,
 Отметить за исключенье из сената?
 Так помни: пробил час. А ты, Лентул,
 Намерен ли за то же расквитаться?
 Так знай: пора. Угодно ли Лонгину
 На улице не гнуть свой стан дородный
 Пред претором? * Так вот: настало время
 Обрызгать ростовщичьими мозгами
 Каменья мостовых и в эту грязь
 Втоптать ногами дикторские фаски.
 Вы жаждете убить врага? Извольте.
 Красоткой обладать? Одно лишь слово
 И дочь или супругу к вам в постель
 Положат муж или отец и будут
 Открыто этой честью похваляться.
 Решайтесь же, друзья, и для земли
 Законом станут все желанья ваши.
 Но я прочел ответ на ваших лицах.
 Эй, слуги, принесите нам вино
 И кровь.
 Входят слуги с чашей и кубками.
 Лонгин
 Что? Кровь?
 Катилина
 Раба велел убить я
 И кровь его смешать с вином. Пусть каждый
 Наполнит кубок этой влагой, ибо
 Она прочней всего обет скрепляет,
 А я за всех произнесу его.
 Чу, гром гремит! Раскат его так тяжек,
 Что весть о нашем дерзостном решенье
 Он огласит во всех концах земли.
 Рука моя, не расплескай напиток,
 Чтоб с каждой мной проглоченною каплей
 Меня еще острее терзала жажда,
 Чтоб лишь тогда ее я утолил,
 Когда я Рим сильнее обескровлю,
 Чем все мечи его бывших врагов.
 А если дрогнешь ты и перестану
 Вражду питать я к мачехе-отчизне,
 Пусть выпьют кровь мою, открыв мне жилы,
 Как этому рабу!
 (Пьет.)
 Лонгин
 И мне!
 Лентул
 И мне!
 Автроний

И мне!
Варгунтей
И мне!
Пьют.
Цетег
Долейте-ка мой кубок,
И эту влагу, вторя Катилине,
Я выпью с той же радостью, с какой
Я выпил бы до капли кровь Катона
И Цицерона-высочки.
Курий
Я выпью
С тобой!
Лека
И я!
Бестия
И я!
Фульвий
И я!
Габиний
Мы все!
Пьют.
Катилина
Теперь, когда наш план скрепила клятва...
(Мальчику слуге.)
Ты что так смотришь?
Мальчик слуга
Ничего.
Бестия
Брось, Луций!
Катилина
Не корчи больше похоронных рож,
Иль душу из тебя, щенок, я выбью!
Бестия
Оставь!
Катилина
Итак, неужто и теперь,
Когда я сам веду вас в бой за вольность,
Вы все еще колеблетесь?
Бестия
Нет, нет,
Мы все с тобой.
Катилина
Тогда воспряньте духом
И подтвердите мне решимость вашу
И блеском глаз, и шуткою веселой.
Друзья, клянусь вам, все пойдет на лад,
Добейтесь лишь в собрании народном,
Все связи и знакомства в ход пустив,
Чтоб я был избран консулом, а там уж

О вас и о себе я позабочусь.
До этой же минуты будьте немы,
Как реки в дни морозов беспощадных,
Когда в берлоги прячется зверье,
И в хижинах скрываются селяне,
И в воздухе нет птиц, и спит страна;
Зато, едва лишь оттепель настанет,
На Рим мы хлынем, как весенний ливень,
И половину города затопим,
В другой же учиним такой разгром,
Что шум его разбудит мертвецов,
Чей прах хранится в погребальных урнах.
Итак, удар готовьте в тишине,
Чтоб стал он сокрушительней вдвойне.
Цетег
О, мудрый Луций!
Лентул
Сергий богоравный!
Заговорщики уходят.
Появляется хор.
Хор
Ужели каждый, кто велик,
Судьбой обласкан лишь на миг?
Ужель удел любой державы
Бесславно пасть под грузом славы?
Ужели будет вечный Рим
Сражен могуществом своим?
Ужель так мало есть достойных
Противников меж беспокойных
Враждебных варварских племен,
Что сам с собой воюет он?
Да, ибо жребий неизменный
Славнейших государств вселенной
Терять плоды побед былых:
Избыток силы губит их.
Вознесся Рим себе на горе:
Он властелин земли и моря,
Но небывалой мощью рок
Его во вред ему облек,
Затем что роскошь, наслажденья
И золото ведут к паденью.
Дворцы до звезд возводят там,
Бросая вызов небесам.
Земля там чуть не до Коцита
На радость демонам изрыта.
Матроны ходят там в шелках,
А жемчуга на их серьгах
Иного города дороже.
Там с парусом размером схожи
Наряды жен,* а у мужей

Одежды и того пышней.
Там юноши подобны шлюхам,
Распутны телом, слабы духом,
И быть не может ни один
Из них причтен к числу мужчин.
Там возлежат пируя гости
На ложах из слоновой кости,
Вино из чаш хрустальных пьют,
Едят из драгоценных блюд.
Туда привозят с края света
Диковеннейшие предметы,
Чтоб новизною их пленять
Пресыщенную жизнью знать.
Вся эта суета лишила
Рим прежней доблести и силы.
Забыв о простоте былой,
Захлестнут ныне он волной
Честолюбивых вождений,
Разврата, алчности и лени.
Купить там можно все: народ,
Законы, должности, почет.
Сенат, и консулы, и даже
Трибуны - все идет в продажу.
Но скоро с неба грянет гром,
И Рим прогнивший палачом
И жертвой собственной станет,
И, рухнув, больше не воспрянет.
За Азией победа вновь!
Хоть римляне ее сынов
Своею доблестью затмили,

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Фульвии.
Входят Фульвия, Галла и слуга.
Фульвия
Здесь дышится свободней. Пусть мой столик
И зеркало поставят тут. - Эй, Галла!
Галла
Да, госпожа?
Фульвия
Из спальни голубой
Мне принеси жемчужные подвески,
Которые прислал недавно...
Галла
Клодий?
Фульвия
Нет, Цезарь. И не говори мне больше
Про Клодия и Курия.
Галла уходит.

(Слуге.)
А если
Придет Квинт Курий, пусть привратник скажет
Что я больна.
Слуга уходит.
Галла возвращается с подвесками.
Галла
Вот эти, госпожа?
Фульвия
Да. Помоги-ка мне продеть их в уши.
Галла
Чудесный жемчуг, госпожа!
Фульвия
Еще бы!
Другого я не приняла б. Кончай
И заплети мне косы.
Галла
Как вчера?
Фульвия
Конечно нет. Я ни за что не стану
Два дня подряд носить одну прическу.
Галла
Как косы уложить - узлом, кольцом?
Фульвия
Как хочешь, лишь не задавай вопросов.
Не выспись вдоволь я сегодня ночью,
Меня свела б с ума ты пустословьем.
Галла
Увы!..
Фульвия
Да замолчи же ты, болтушка!
Галла
Ведь это врач мне приказал болтать
Для моциона госпожи.
Фульвия
Выходит,
Он злить меня велел для моциона?
Галла
Побудоражить кровь не значит злить.
Похлебка подогретая - одно,
Кипящая - другое.
Фульвия
О Юпитер!
Чесать язык ей запрети!
Галла
Чешу
Я не язык, а косы вам.
Фульвия
Юнона,
Над Галлой сжался!

Галла
Надо мной? Зачем?
Фульвия
Бедняжка, что ты сделала с собою?
Галла
Я? Ничего.
Фульвия
Когда и как успела
Ты заразиться страстью к остроумью?
Галла
Какая вы насмешница! А нынче
Мне госпожа Семпрония приснилась.
Фульвия
Ага, теперь понятно, от кого
Твоя болезнь. Так что же ты видала?
Галла
Она произносила речь, какой...
Фульвия
Ты в жизни не слыхала?
Галла
Да.
Фульвия
О чем же?
Галла
Насчет республики, ее долгов
И займов для скорейшей их уплаты.
Вот государственная голова!
Фульвия
Вот странно! Неужель тебе приснилось,
Что у нее есть голова?
Галла
А как же?
Она владеет сразу и латынью,
И греческим.
Фульвия
Мне это неизвестно.
Я, к сожалению, редко вижу сны.
Галла
Ах, госпожа все шутит?
Фульвия
Я? Нисколько.
Но продолжай. Итак, ты полагаешь,
Что у нее есть ум?
Галла
Притом мужской.
Фульвия
А может быть, мужиковатый, Галла?
Скажи, она ведь и стихи слагает,
И на язык остра?
Галла

Да, госпожа.
Фульвия
Она умеет петь? На инструментах
Играть различных?
Галла
Говорят, на всех.
Фульвия
Она танцует?
Галла
Да, и много лучше,
Чем - как сострил один сенатор лысый
Пристало честным женщинам плясать.
Фульвия
Фи, вздор! Достоинства разумных женщин
Не умалят слова плешивых дурней.
Галла
Беда в одном: она щедра чрезмерно.
Фульвия
В вопросах денег иль в вопросах чести?
Галла
В тех и в других.
Фульвия
Однако ты ей льстишь.
Галла
Для лет ее, конечно, это лестно.
Фульвия
Для лет ее? Каких?
Галла
Весьма преклонных.
Фульвия
Хотела б я, чтоб это было правдой.
Галла
А я и так не лгу. Она когда-то
Была красива, да еще и ныне
Одета лучше всех прелестниц Рима
(За исключением вас) и под румяна
Морщины ловко прячет.
Фульвия
Потому
И говорят, что у нее личина,
А не лицо.
Галла
Ну, это клевета.
Она его лишь на ночь покрывает,
Как маской, слоем теста с молоком.
Но раз она, желаний не утратив,
Давно уж перестала быть желанной,
Скупиться ей нельзя.
Фульвия
Всезнайка Галла!

А что ты скажешь мне про щеголиху
Супругу Катилины Орестиллу?

Галла

Конечно, у нее нарядов много,
Но, несмотря на все богатство их,
Ей не дано искусство одеваться.
О, если б драгоценности ее
Хоть на минутку вы заполучили,
Все б увидали, что ее одежды
Гораздо больше стоят, чем она;
Тогда как, будь они на вас, за вами
Весь Рим гонялся б неотступно, ибо
Вы так себя умеете украсить,
Что, даже вашего лица не видя,
В вас за один наряд влюбиться можно.

Фульвия

Я полагаю, также и за тело?

Не правда ль, Галла?

Слуга возвращается.

Что еще случилось?

Чем ты взволнован?

Слуга

У ворот носилки

Семпронии. Ей госпожу угодно...

Галла

Клянусь Кастором,* сон был вещим!

Слуга

...видеть.

Галла

Клянусь Венерой, госпожа должна

Ее принять...

Слуга уходит.

Фульвия

Глупышка, успокойся!

Ты что, ума решилась?

Галла

...и послушать,

Что нам она расскажет о сенате

И разных государственных делах.

Входит Семпрония.

Семпрония

Как поживаешь, Фульвия?

Фульвия

Прекрасно.

Куда ты собралась в такую рань?

Семпрония

Меня позвала в гости Орестилла.

Не хочешь ли и ты пойти со мной?

Фульвия

Поверь, я не могу. Мне нужно срочно

Отправить кой-какие письма.
 Семпрония
 Жаль.
 Ах, как я утомилась! До рассвета
 Писала я и рассылала письма
 По трибам * и центуриям * с призывом
 Отдать все голоса за Катилину.
 Хотим мы сделать консулом его
 И сделаем, надеюсь. Красс * и Цезарь
 Помогут нам.
 Фульвия
 А сам-то он согласен?
 Семпрония
 Он - первый кандидат.
 Фульвия
 А кто другие?
 Эй, Галла, где ж вино и порошок,
 Которым чистят зубы?
 Семпрония
 Дивный жемчуг!
 Фульвия
 Да, недурен.
 Семпрония
 А как блеснит! - Всего
 Шесть кандидатов кроме Катилины:
 Квинт Корнифиций, Публий Гальба, Кай
 Антоний, Кай Лициний, Луций Кассий
 Лонгин и пустомеля Цицерон.
 Пройдут же Катилина и Антоний:
 Лонгин, Лициний, Корнифиций, Гальба
 Свои кандидатуры снимут сами,
 А Цицерон не будет избран.
 Фульвия
 Вот как!
 А почему?
 Семпрония
 Он неугоден знати.
 Галла
 (в сторону)
 Как сведуща она в делах правленья!
 Семпрония
 Он выскочка и в Риме лишь случайный
 Жилец,* по выраженью Катилины.
 Патриции не стерпят никогда,
 Чтоб консулом, позоря это званье,
 Стал человек без племени и рода,
 Герба и предков, дома и земли.
 Фульвия
 Зато он добродетелен.
 Семпрония

Вот наглость!
Низкорожденный должен и душою
Быть низок. Как посмел простолюдин
Затмить ученостью и красноречьем
И прочими достоинствами тех,
Кто благороден!
Фульвия
Но лишь добродетель
Дала их предкам благородство встарь.
Семпрония
Согласна. Но в ту пору Рим был беден,
Цари и консулы пахали землю,
А нам сегодня незачем трудиться.
У нас есть все: удобства и богатство
И знатность - добродетели замена.
Поэтому должны мы нашу власть
Оберегать, а не делиться ею
С безродными людьми. Зачем же нам
Ласкать пронырливого краснобая,
Вчерашнее ничтожество, за то,
Что он в Афинах мудрости набрался,*
И возвышать его себе на гибель?
Нет, Фульвия, найдутся и другие,
Кто говорит по-гречески. А он,
Как все мы - Цезарь, Красс и я - решили,
С дороги будет убран.
Галла
Что за ум!
Фульвия
Семпрония, гордись: мою служанку
Пленила ты.
Семпрония
Как поживаешь, Галла?
Галла
С соизволенья высокоученой
Семпронии, прекрасно.
Семпрония
А хорош ли
Для десен этот серый порошок?
Фульвия
Ты ж видишь, я им пользуюсь.
Семпрония
Однако
Мой порошок - белее.
Фульвия
Может быть.
Семпрония
Но твой приятно пахнет.
Галла
А уж чистит

Так, что в зубах ни крошки не завязнет.
 Семпрония
 Кто из патрициев к тебе зайдет
 Сегодня, Фульвия?
 Фульвия
 Сказать по чести,
 Я не веду им счет. Ко мне заходят
 То тот, то этот, если есть охота.
 Семпрония
 Ты всех с ума свела. Был у тебя
 Квинт Курий, твой усерднейший вздыхатель?
 Фульвия
 Вздыхатель? Мой?
 Семпрония
 Да, да, твой обожатель.
 Фульвия
 Коль хочешь, можешь взять его себе.
 Семпрония
 Как!
 Фульвия
 Я ему от дома отказала.
 Он не придет.
 Семпрония
 Ты зря гневишь Венеру.
 Фульвия
 Чем?
 Семпрония
 Курий был всегда тебе так верен!
 Фульвия
 Да. Слишком. Я нуждаюсь в перемене.
 Он, без сомненья, также. Уступить
 Его тебе готова я.
 Семпрония
 Послушай,
 Не искушай меня: ведь он так свеж.
 Фульвия
 Свеж, как без соли мясо. Он истратил
 Все, что имел. Его любовь бесплодна,
 Как поле истощенное. А я
 Предпочитаю тучные участки
 И без труда найду себе друзей,
 Которые раз в десять больше стоят.
 Семпрония
 И в десять раз покладистее.
 Фульвия
 Верно.
 Уж эти мне вельможные сатиры,
 Чванливые и наглые юнцы,
 Что, как кентавры,* с первого же взгляда
 Бросаются на женщину!

Семпрония
И мнят,
Что та им на себе позволит ездить!
Фульвия
Ну, я-то их дарю своим вниманьем
Лишь до тех пор, пока не перестанут
Они носить дары.
Семпрония
А Цезарь щедр?
Фульвия
Нельзя тому скупиться, кто желает
Быть принят здесь. Одни приносят жемчуг,
Другие - утварь, третьи - деньги, ибо
Меня берут не белизной лебяжьей,
Не бычьей мощью, как Европу с Ледой,
А, как Данаю,* золотым дождем.
За эту цену я снесу капризы
Юпитера любого или даже
Десятка грубиянов-громовержцев,
Смеюсь над ними лишь за их спиной.
Семпрония
Счастливица! Умеешь тратить с пользой
Ты красоту и юность, обладая
Той и другой!
Фульвия
Вот в этом-то и счастье.
Семпрония
А я сама должна платить мужчинам
И пиршества устраивать для них.
Фульвия
Увы! Не ты - твой стол их соблазняет.
Семпрония
Ростовщики меня нещадно грабят;
Супруга, слуг, друзей я разоряю,
Чтоб на приемы деньги раздобыть,
Но удержать поклонников мне даже
Такой ценою трудно.
Фульвия
Вся беда
В том, что ты любишь молодые лица,
А если бы, как остальные, ты
Морщин, бород и лысин не гнушалась...
Стук за сценой.
Взгляни-ка, Галла, кто стучится.
Галла выходит и сейчас же возвращается.
Галла
Гость.
Фульвия
Я поняла, что гость. Но кто он?
Галла

Курий.
Фульвия
Ведь я сказать велела, что больна.
Галла
Не хочет слушать он.
Семпрония
Я ухожу.
Фульвия
Семпрония, прошу, останься.
Семпрония
Нет.
Фульвия
Клянусь Юноной, с Курием встречаться
Я не хочу.
Семпрония
Я вам мешать не стану.
Галла
Я запретить ему войти не в силах.
Семпрония
Да и не надо, дорогая Галла.
Фульвия
Семпрония, хоть ты...
Семпрония
И не проси.
Фульвия
Скажи ему, что я больна и сплю.
Семпрония
Клянусь Кастором, я его уверю,
Что ты с постели встала. Галла, стой!
Простимся, Фульвия. Из-за меня
Ты не должна пренебрегать свиданьем.
Входи, Квинт Курий. Фульвия здорова.
(Уходит.)
Фульвия
Ступай ты в ад с учтивостью своей!
Входит Курий.
Курий
Прелестная, зачем, как клад глупец,
Свою красу ты на замок закрыла?
Фульвия
Тот глуп вдвойне, кто вору клад покажет.
Курий
Ах, злючка милая, как ты сегодня
Сердита!
Фульвия
Злость - оружие глупца.
Курий
Сражаться так сражаться! Сбросим тогу.
(Снимает тогу.)
Фульвия

Не в настроенье нынче я сражаться.
Курий
Я приведу тебя в него.
Фульвия
Ты лучше
В порядок приведи свою одежду,
А пыл свой рьяный для других противниц
Прибереги.
Курий
Ты испугалась боя?
Фульвия
Нет, просто я за славой не гонюсь.
Курий
Ты думаешь, тебе идет сердиться?
Нет, Геркулесом в том клянусь. Ты можешь
Взять зеркало, и подтвердит оно,
Что злое выражение лик твой портит.
Фульвия
Пусть, но его я не переменю.
Курий
Напрасно. Не должна ты хмурить брови
И на меня смотреть с таким презрением.
Знай, скоро я сведу тебя с Фортуной,
И будешь ею ты вознесена
На ту же высоту, с какой взирает
Богини этой статуя на Рим.
Фульвия
Ну, до чего он щедр на обещанья!
Кто смел его сюда впустить? Ты, Галла?
Верни ему обратно, что в награду
Тебе он дал, а если - ничего,
Спроси его, как он дерзнул ворваться
Туда, куда ему был вход заказан
И мной, и слугами.
Курий
Вот это мило,
Хотя и неожиданно!
Фульвия
Напротив,
Вполне естественно.
Курий
А я-то думал,
Что буду встречен ласково.
Фульвия
Спасибо
За лестное предположение, но
И дальше будет так же.
Курий
Неужели?
Фульвия

Да, если б даже ты пришел с подарком.
Курий
Послушай, ты в игре теряешь меру.
Ну, рассуди сама, зачем тебе
Любовника держать на расстояние
И всяческими выдумками страсть
В нем разжигать, как делала ты прежде,
Хоть и тогда в том не было нужды.
Фульвия
Как делала я прежде?
Курий
Да. Припомни
Твои рассказы о ревнивце-муже,
О неусыпных слугах, робкий шепот
И напускной испуг, чуть хлопнет дверь.
Еще бы! Чем запретней наслаждение,
Тем соблазнительней.
Фульвия
Наглец бесстыдный!
Курий
Меня впускала ты через окно,
Хотя могла велеть открыть ворота.
Фульвия
Что? Я тебя впускала? Я?
Курий
Да, ты.
Когда ж потом на ложе мы всходили,
Тобою вышколенная служанка
Врывалась с криком: "Госпожа, ваш муж!"
И прятала меня в сундук иль печь,
Где без толку я корчился, тогда как
Твой смиренный петушок торчал в поместье,
А если б даже он и не уехал,
То шесть сестерциев * глаза и клюв,
Как соколу колпак, ему б закрыли.
Фульвия
Речь грязная твоя тебе под стать,
Подлец, самовлюбленный хам, скотина!
Курий
Ого!
Фульвия
А как еще назвать тебя,
Кто, имя доброе навек утратив,
Чужую честь злословьем отравляет,
Чернит чужую славу? Убирайся
И в лупанарах мерзостных предместий,
Где, обнищав, ты будешь жить отныне,
Сочувствия у потаскух ищи.
Курий
Я вижу, мне тебя унять придется,

Сорвать твою трагическую маску.*
 Ну, вот что, госпожа Киприда: полно
 Разыгрывать невинность предо мной.
 В обман я вновь не дамся, даже если
 Венеру ты затмишь красой. Сдавайся
 Или, клянусь тебе Поллуксом...
 (Хочет обнять Фульвию, та выхватывает нож.)
 Ба!
 Лаиса стать Лукрецией решила?
 Фульвия
 Клянусь тебе Кастором, нет. Прочь руки
 Иль не в себя, как сделала бедняжка,
 А в грудь твою всажу я эту сталь,
 Милейший мой Тарквиний. Ты бледнеешь?
 Ты взялся за кинжал? Вот и прекрасно.
 Ведь на меня поднять оружие проще,
 Чем на сенат, откуда ты с позором
 Был изгнан, став посмешищем для Рима.
 Вот где свою отвагу доказать
 Ты мог бы, если б не был жалким трусом.
 Курий
 Ты знаешь, Фульвия, что от тебя
 Я все стерплю, что надо мной имеешь
 Ты власть. Но ею злоупотреблять
 Не надо.
 Фульвия
 Да, я знаю это так же,
 Как знает и сенат, что все ты стерпишь.
 Курий
 Клянусь богами, за, твои попреки
 Заплатит мне сенат, как ни досадно,
 Что тем, кого и так я ненавижу,
 Придется мстить и за твою вину.
 Прощай. Хотя твое высокомерье
 И придает тебе двойную цену,
 Однако в нем расквасишься ты скоро
 И вновь придешь ко мне.
 Фульвия
 Ты полагаешь?
 Курий
 Не полагаю - знаю.
 Фульвия
 По каким
 Приметам тайным угадал ты это?
 Курий
 По внутренностям сундуков матрон.
 Лежащие там золото и жемчуг
 Мне говорят, что и тебе достаться
 Они могли б. Но ты не хочешь их.
 Когда ж захочешь, будет слишком поздно.

Фульвия

Уж столько гор златых сулили мне,
Что слушать надоело обещанья.

Курий

Когда увидишь ты, как потекут
Рекой богатства, твой ларец минуя,
Как в рабство будут продавать на рынке
Сенаторов и жен их горделивых,
Как их сады и виллы конфискуют,
Как вынесут их утварь на торги
И в землю дрот воткнет над ней глашатай,*
Когда ты не получишь ничего
Иль меньше, чем надеялась, когда
Став старой, на подушке одинокой
Ты будешь пальцы тощие ломать,
Ты пожалеешь, что тобой из дома
Любовник изгнан был.

(Уходит.)

Фульвия

Живее, Галла,

Верни его.

Галла уходит.

Себя ведет он странно.

Он что-то знает. Выпытать должна я
Секрет.

Курий возвращается.

Курий

Ну что, сменила гнев на милость?

Фульвия

Мне и самой смешны мои капризы.
Но не сердись: ведь голубки всегда
Клюют друг друга перед поцелуем.

Курий

Как я доволен! Пусть порой ты зла,
Моя любовь; от этого лишь слаще
Потом твои лобзанья.

Фульвия

Ты же видишь,

Как я тебе стараюсь угодить.

Ты думаешь, что не принес подарка

И этим рассердил меня? Нет, нет.

Отбрось такие мысли, если любишь.

Курий

Клянусь душой, я так тебя люблю,

Что жажда мщения во мне слабее

Желания тебя счастливой сделать.

Фульвия

Я счастлива, когда ты говоришь

О близкой мести, ибо покоряет

Меня твоя решительность сильней,

Чем все посулы. Доблесть мне дороже,
Чем женщине - ее краса и платья;
Ее люблю я больше, чем себя.
Дай мне тебя обнять. Но что за средства
Избрал ты для осуществленья мести?
Расскажешь ли ты мне, каков твой план?
Курий
Да, если будешь ласковой.
Фульвия
О, буду!
Курий
И поцелуешь?
Фульвия
Поцелую крепче,
Чем створки может раковина сжать.
Курий
И жарко?
Фульвия
Так, что губы опалю.
Курий
Раз или два?
Фульвия
Так часто я засею
Твои уста лобзаннями, что жатвы
Тебе не снять. Ну, что же вы решили?
Курий
Теперь светла ты, Фульвия моя,
Как имя светлое твое.*
Фульвия
Скажи мне,
Что вы решили, Квинт, любимый мой.
Курий
Как властны звуки слов твоих над сердцем!
Какая в них гармония! Я вижу,
Чувствительней ты к ласкам, чем к угрозам.
Жжет женщина огнем, когда сурова,
И ясный свет струит, когда нежна.
Фульвия
Ты долго будешь от меня таиться?
(Ласкается к Курию.)
Курий
Поверь, все мысли и мечты мои
Лишь о тебе.
Фульвия
Скажи, что вы решили?
Курий
Что консулом стать должен Катилина.
Ты хочешь знать подробности?
Фульвия
Конечно.

Курий

Я их на ложе расскажу. Идем.
Рим будет обречен на разграбление.
Ждет слава нас, а родину - паденье.
Уходят.

Появляется хор.

Хор

Марс, сын Юпитера, чья сила
Хранила Рим со дня, когда
Дыханье в Риме навсегда
Десница брата угасила,
Своих детей не покидай
И злонамеренным смутьянам,
От алчности и крови пьяным,
Наш город погубить не дай.
Двух консулов нам выбрать надо.
О, просрети, наставь народ!
Пусть к власти он не приведет
Тех, для кого мятеж - отрада.
Пусть те, кому мы отдадим
Бразды правленья на год ныне,
Известны станут не гордыней,
А светлым разумом своим.
Пусть они добьются сана
Лишь бескорыстьем, прямоотой,
Отвагою и простотой,
Без взяток, подкупа, обмана;
Пусть они горой стоят
За истину, закон и право;
Пусть ни страх, ни льстец лукавый
От правды их не отвратят,
Чтоб, восхваляя их деянья,
Любой бедняк воскликнуть мог:
"Вот те, кто не себя берег,
А граждан честь и достоянье";
Чтобы, как Брут в былые дни,*
Они отечеству служили;
Чтобы не год, а вечность жили
В народной памяти они;
Чтоб, как Камилл * и Сципионы,*
Важнее всех наград и благ
Они считали каждый шаг,
Во имя родины свершенный;
Чтобы, ревнуя лишь о ней
И заняты лишь общим делом,
Они верны душой и телом
Ей были до скончанья дней.
Такие люди в непогоду
Из рук не выпустят руля
Им вверенного корабля

И счастье принесут народу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Марсово поле.*

Входят Цицерон, Катон, Катул, Антоний, Красс, Цезарь, ликторы и народ.

Цицерон

Высокий сан для человека - бремя,
Чью тяжесть вдвое умножает зависть.
Сулит он много больше огорчений,
Чем радостей носителю его,
Которому ошибок не прощают
И за успех хвалу не воздают.
О римляне, я знаю, как нелегко
Груз почестей, мне выпавших на долю,
Но говорю о нем не потому,
Что отклонить хочу доверье ваше,
Которое лишь милостью бессмертных,
А не достоинствами Цицерона,
Став консулом, я объяснить могу.
Нет у меня ни погребальных урн,
Ни восковых изображений предков,*
Ни бюстов их с отбитыми носами,
Ни вымышленных родословных древ,
Чтоб приписать себе чужую славу
И ваши голоса заполучить.
Я прозван в Риме выскочкой, а вы
Меня высоким званием почтили,
Чем добродетели открыли путь.
К той должности, которая давалась
Знатнейшим из сынов отчизны нашей,
К которой никогда до этих пор
Допущен не был человек из новых.
А я чуть лет положенных достиг,*
Чуть выставил свою кандидатуру
И сразу же был вами предпочтен
Соперникам моим высокородным.

Красс

(тихо Цезарю)

Теперь понес!

Цезарь

(тихо Крассу)

Бахвал!

Цицерон

Мне возвестили

Вы не подсчетом голосов бесстрастным,
А радостными кликами, что я
Угоден всем без исключения трибам.
Я этим горд и приложу все силы,
Весь ум, всю волю, чтоб решение ваше
Одобрили и сами вы, и те,

Кто мне завидует. Двойную цель
 Я ставлю: в вас раскаянья не вызвать
 И не навлечь на вас упреки их,
 Затем что вам припишут каждый промах,
 Который я свершу. Но я клянусь
 Так выполнять свой долг, чтоб не винула
 Вас в прегрешеньях консула молва,
 И не щадить себя на службе Риму,
 Чтоб, коль меня постигнет неудача,
 Краснел бы за нее не я, а боги,
 Чьим попусценъем вызвана она.
 Цезарь
 (в сторону)
 Хотя и сам он человек из новых,
 Для нас такая откровенность - новость.
 Цицерон
 Известно мне, что принимаю власть
 Я в смутное и горестное время,
 Когда беды ждет честный человек
 И на успех надеются злодеи.
 Известно мне, что зреют заговоры
 И ходят слухи, сеющие страх.
 Красс
 (в сторону)
 Не будь их, мы бы сами их пустили.
 Цицерон
 Я знаю, наконец, что лишь опасность,
 Смирив высокомерье римской знати,
 Сегодня мне на выборах открыла
 Путь к сану консула.
 Катон
 Марк Туллий, верно:
 Мы все нуждались в доблести твоей.
 Цезарь
 Катон, ты Цицерона лестью портишь.
 Катон
 Ты, Цезарь, завистью себе вредишь.
 Народ
 Катон, твой голос - это голос Рима.
 Катон
 А голос Рима - это голос неба!
 Ты им к рулю поставлен, Цицерон.
 Так докажи, что ты - искусный кормчий.
 Любой сумеет править кораблем,
 Когда на море штиль. Но тот, кто хочет
 Командовать им в плаванье опасном,
 Обязан знать, какие паруса
 В погожий день, какие - в бурю ставить;
 Где дрейфовать с течением попутным;
 Где обходить утесы, рифы, мели;

Как в трюме течь найти и устранить
 И как бороться с буйными ветрами,
 Что обнажают киль и к небесам
 Корму возносят. Лишь тогда он вправе
 На званье рулевого притязать.
 Цицерон
 Ни рвенья, ни усилий не жалея,
 Я постараюсь быть подобным кормчим
 Не только этот год - всю жизнь; а если
 Он будет в ней последним, значит, боги
 Судили так. Но и тогда я Риму
 Сполна отдам остаток сил своих
 И, умерев, бессмертен буду вечно.
 Лишь себялюбец мерит жизнь по дням.
 Кто доблестен, тот счет ведет делам.
 Народ
 Идем, проводим консула до дома.
 Цицерон, Катон, часть ликторов и народ уходят.
 Цезарь
 Как люб он черни!
 Красс
 Тучею плебеи
 За ним валят.
 Цезарь
 С Катonom во главе.
 Красс
 А на тебя, Антоний, и не взглянут,
 Хоть ты такой же консул, как и он.
 Антоний
 Да что мне в том!
 Цезарь
 Пока он торжествует
 И отдыхает, следует обдумать,
 Зачем он намекал на заговоры.
 Катул
 Кай Цезарь, если слух о них не ложен,
 Нам будет нужен Цицерон, как страж.
 Цезарь
 Слух! Неужель, Катул, ты веришь слухам?
 Ведь Цицерон их сам же раздувает,
 Чтоб убедить народ в своих заслугах.
 Стара уловка! Все любимцы черни
 Творят чудовищ призрачных и с ними
 Потом в борьбу вступают, чтоб придать
 Своим приемам грязным благовидность.
 Ну как актер, играя Геркулеса,
 Без гидры обойдется? * Он ведь должен
 Не только роль исполнить, но и залу
 Правдоподобность пьесы доказать.
 Красс

Правители различных государств
Не раз измену насаждали сами,
Чтобы, раскрыв ее, себя прославить.
Катул
То государство, чей позор на пользу
Идет его правителям, прогнило.
Красс
Но нашему прогнить мы не дадим.
Цезарь
Об этом позаботится Антоний.
Антоний
Еще б!
Цезарь
Он стража поостережет.
Катул
Вон Катилина. Как он переносит
Свою очередную неудачу?
Цезарь
Не знаю, но, наверное, с трудом.
Катул
Лонгин ведь тоже консульства искал?
Цезарь
Но уступил потом дорогу другу.
Катул
Кто там? Лентул?
Цезарь
Да. Вновь его в сенат
Зачислили.
Антоний
Ведь претором он избран.*
Катул
Я тоже за него голосовал.
Цезарь
О да, ты был при этом, цвет сената.
Входят Катилина, Лонгин и Лентул.
Катилина
Привет славнейшим римлянам! Позволь
Тебя поздравить, благородный консул.
Антоний
Вдвойне я был бы счастлив, разделив
Свой сан с тобою, благородный Сергей.
Катилина
Народ решил иначе, повинуюсь
Веленьям неба неисповедимым.
Ведь боги лучше, чем мы сами, знают,
Что нужно нам, и грех - роптать на них.
Катул
Я счастлив, что с покорностью душевной
Ты сносишь неудачу.
Катилина

Я и впредь
Покорен Риму и богам пребуду.
(Тихо Цезарю.)
Потолковать с тобой мне нужно, Юлий.
Цезарь
(тихо Катилине)
К тебе домой приду я. Красс не хочет,
Чтоб при Катутле говорили мы.
Катилина
(тихо Цезарю)
Понятно.
(Громко.)
Если родина и боги
Сочтут, что я награды стал достоин,
Я получу ее. Я терпелив,
Поскольку знаю, что отчизне нужен
Не меньше тех, кто отдает приказы,
Тот, кто другим умеет подчиняться.
Катул
Позволь тебя обнять. Я вижу, Луций,
Что зря ты оклеветан.
Катилина
Кем?
Катул
Молвой,
Считающей, что неудачей ты
Задет.
Катилина
Меня она не задевает.
Не принимай, Катул, на веру слухи:
Кто преступает так, тот сам злословит.
Катул
Я знаю это и себя браню.
Катилина
А я спокоен, ибо обижаться
На сплетню - значит подтверждать ее.
Катул
Я умилен твоим смиреньем, Сергей.
Красс
Идем, проводим консула, Катул.
Цезарь
Как чернь с Катоном во главе - другого.
Катул
Иду. А ты будь счастлив, Сергей. Тем,
В ком добродетель есть, наград не надо.
Антоний, Красс, Цезарь, Катул и ликторы уходят.
Катилина
(в сторону)
Ужель кажусь я столь смиренным, тихим,
Безвольным и ничтожным, что глупец

И впрямь в мою поверил добродетель?
О, лопни, грудь моя! Пускай друзья
Заглянут в сердце мне и убедятся,
Что я не изменился.

Лонгин
Где Габиний?
Лентул
Ушел.

Лонгин
А Варгунтей?
Лентул
Исчез, как все,
Узнав о неудаче Катилины.

Катилина
(в сторону)
Теперь я даже в скотниках-рабах
Презрение вызвал бы. Я - римский филин,
Предмет насмешек уличных мальчишек.
Как мне еще назвать себя? Ведь если
Я стал бы деревянным изваяньем
Хранителя садов,* то и тогда бы
Ворон не распугал и не сумел
Им помешать мне на голову гадить.

Лонгин
Как странно, что не избран Катилина!

Лентул
Еще страннее то, что Цицерон,
Безродный выскочка, был избран всеми,
Включая тех, кто знатен.

Лонгин
Да, ты прав.

Катилина
(в сторону)
Я жалкой тенью стал!

Лонгин
Собрал Антоний
Чуть больше голосов, чем Катилина.

Катилина
(в сторону)
Кто бьет меня, тот в воздух нож вонзает:
Ударов я не чувствую, и раны
Рубцуются быстрее, чем их наносят.

Лентул
Наш план не удался. Теперь друзья
Покинут нас.

Катилина
(в сторону)
Зачем лицо прикрыл я
Отравленную маскою терпенья? *
Она мне превращает в пепел мозг.

С ума сойти готов я!
Лонгин
Вон Цетег.
Входит Цетег.
Катилина
Вновь неудача! Избран проходимец!
О, как бы я хотел перерубить
Ось мироздания, чтобы в хаос землю
И с нею самого себя низринуть.
Цетег
Напрасно.
Катилина
Почему, Цетег? Ведь тот,
Кто гибнет, рад весь мир увлечь с собою.
Цетег
Нет, я не стал бы гибнуть вместе с миром,
А новый бы велел создать природе.
Не римлянам, а бабам речь твоя
К лицу. Поищем выхода иного.
Катилина
Что делать нам?
Цетег
Не рассуждать, а делать:
Измыслить нечто, до чего и боги
Додуматься не могут, что свершится
Быстрее, чем страх успеет их объять.
Катилина
Достойный Кай!
Цетег
Я рад, что ты не консул.
Зачем мне в дверь открытую входить,
Когда могу ее сорвать я с петель,
Достигнуть цели вплавь по морю крови,
Построить мост из трупов иль добратся
По насыпи из срубленных голов
Туда, где те, кто жив еще, укрылись?
Победа для меня лишь тем ценна,
Что с риском добывается она.
Катилина
Как стыдно мне перед тобой, смельчак,
За то, что не всегда я тверд душою
И поддаюсь унынию. Лентул,
Вот человек, который, если пламя *
Угаснет в нас, опять огонь похитит
Из рук Юпитера, хотя б за это
Тот приковал его к горам Кавказским
И своего орла к нему послал.
Поверь, он и под клювом страшной птицы
Не застонал бы.
Лентул

Тс-с! Идет Катон.
Катилина
Пусть слышит все. Довольно притворяться.
Мы, если даже нас друзья покинут,
Одни с моим возлюбленным Цетегом,
Как два гиганта древних,* вступим в бой.
Катон возвращается.
Лентул
Спокойней, Луций!
Лонгин
Сергий, осторожней!
Катилина
За кем следить ты послан, Марк Катон,
Унылый соглядатай Цицерона?
Катон
Не за тобой, распутный Катилина,
Чьи преступления красноречивей,
Чем будешь ты под пыткой на суде.
Катилина
Уж не Катон ли мой судья?
Катон
Нет, боги,
Которые преследуют того,
Кто воле их не следует, и с ними
Сенат, который от смутьянов вредных
Огнем очистить должен Рим. Уйди
Иль дай пройти. Ты отравляешь воздух
Дыханием своим.
Цетег
Убить его!
Лентул
Кай, помоги!
Цетег
Катон, ты испугался?
Катон
Нет, бешеный Цетег! Что стало б с Римом,
Когда б Катон таких, как вы, страшился?
Катилина
Ты об огне заговорил. Так знай,
Что если он спалит на мне хоть волос,
Я кровью потушу его.
Катон
Квириты,*
Слыхали?
(Уходит.)
Катилина
Так и консулу скажи.
Цетег
Зря из него не вытрясли мы душу!
Ты чересчур медлителен, Лентул,

Хоть мы собой рискуем для тебя же:
Ведь власть тебе Сивилла обещала.
Катилина
Он обо всем забыл: теперь он претор
И льстит ему сенат.

Лентул

Неправда, Луций!

Лонгин

Твои укоры не нужны Лентулу.

Цетег

Они нужны для дела. Ведь оно
Идет назад, когда стоит на месте.

Лентул

Обсудим...

Цетег

Нет, сперва вооружимся:

Те, кто не воздает нам по заслугам,
Все отдадут, когда сверкнет наш меч.

Катилина

Приводят к цели руки, а не речь.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в доме Цицерона.

Входят Цицерон и Фульвия.

Цицерон

Как могут боги в этот час опасный
Быть столь непроницаемо бесстрастны?

Ужели и Юпитер стал слепым,

Как ты, о потерявший разум Рим?

Спят боги. Спит сенат невозмутимый.

Кто защитит тебя, мой край родимый?

Кем будет пробужден твой гнев, Кронид? *

Когда злодея молния казнит?

И раньше сеял он вражду, а ныне

Всею смутой Рим обязан Катилине.

Она последней будет. Он падет,

Но, до того как пасть, на все пойдет.

Ведь честолюбье - страсть, с которой сладить

Трудней всего недюжинной натуре.

Оно - поток и вспять не потечет,

Не подчинится ни уму, ни сердцу,

Но, презирая совесть, веру, право,

С самой природой дерзко вступит в бой.

Нет, здесь не честолюбье! Катилина

Задумал дело пострашней: разрушить

То, что потом восстановить не смогут

Ни люди, ни века. - Прошу, присядь.

Ты, Фульвия, меня ошеломила.

Не в силах разум примириться с тем,

Что вымыслы трагедий затмевает!

Как! Родина не залечила ран,
Гражданскою войною нанесенных,*
Жизнь и надежда в ней едва воскресли,
А ей уж муки новые готовят,
Чтоб имя Рима древнее забвенью
С невиданной жестокостью обречь!
В каких умах чудовищно преступных,
Исполненных отчаянья и злобы,
Отравленных нуждою и распутством
Возникнуть мысль подобная могла?
Да разве наши дети, вспоминая
О злодеяньях Мария и Суллы,
Их не сочтут игрой в сравнение с ней?
Хотя повинны эти властолюбцы
В убийстве братьев, родичей, отцов,
В позоре дев, в бесчестии матрон,
Но на богов они не покушались
И не пытались Рим лишить величья.
А тут хотят его разграбить, сжечь
И, стало быть, опустошить всю землю,
Затем что вся вселенная мала
Для тех, кому в отчизне слишком тесно.
Фульвия
Ты прав. И я подумала о том же.
Цицерон
Почел бы я вершиною злодейства
То, что они свой замысел преступный
Скрепили человеческою кровью,
Когда бы не был он еще страшней,
Чем гнусный их обряд.
Фульвия
Достойный консул,
Поверь, пресеклось у меня дыханье,
Когда впервые услышала я
Об этом приводящем в ужас плане.
Я не могла о нем не рассказать,
Затем что сообщенная мне тайна
Меня сжигала.
Цицерон
Фульвия, не бойся
И о своем поступке не жалея.
Фульвия
Нет, не жалею. Знаю я, кому
Секрет вверяю.
Цицерон
Он в руках надежных.
Тебе же, если Рим твоей заслуги
И не сумеет оценить достойно,
Воздаст сторицей собственная совесть:
Награда за добро - в самом добре.

Фульвия

Я шла к тебе не за наградой, консул.
Меня не честолюбие вело.

Цицерон

Ты доказала, что умеешь выбрать
Меж дружбою и благом государства.
Спокойна будь. За Курием послали,
И, если мне его вернуть удастся
К сознанию долга, я не покараю
Его из уважения к тебе.

Фульвия

Ручаюсь, что одумается Курий.

Цицерон

Вдвоем с тобой мы убедим его.

Входит ликтор.

Пришел ли он?

Ликтор

Да, благородный консул.

Цицерон

Ступай, скажи Антонию, что с ним
Я должен, ибо он мой соправитель,
О важном деле переговорить,
И передай, чтобы сюда немедленно
С трибунами явился брат мой Квинт,
А Курияпусти.

Ликтор уходит.

Итак, надеюсь,

Мне Фульвия поможет?

Фульвия

Да. Ведь это

Мой долг.

Входит Курий.

Цицерон

Привет, мой благородный Курий!

Я должен побранить тебя. Дай руку.

Напрасно ты смутился: я - твой друг.

Ты видишь эту женщину? Ты понял,

Зачем ты вызван к консулу? Не хмурься,

Чтоб гром не загремел. Пусть прояснятся

Твой взор и мысли с этого мгновенья

Тебе здесь все желают лишь добра.

Как! Неужели ты, кому намерен

Сенат вернуть, насколько мне известно,

Права и звание члена своего,

Как и неблагодарному Лентулу,

Прости, что имя низкого глупца

С твоим назвал я рядом, - неужели

Ты, отпрыск славных предков, человек

Высокого рождения и чести,

Причастен к адским умыслам убийц,

Изменников, затмивших злобой Фурий,
Людей, идущих на позор и смерть,
Ибо отчаяние - мать безумья,
Людей, которым нужен только случай,
Чтоб с цепи смуту и мятеж спустить?
О, я краснею за тебя! Я жду
Не оправданий жалких, а признанья:
Свою вину смягчить порочный тщится;
Кто честен, тот ее стремится смыть.
Мы, силась умалить свой грех былой,
Себе тем самым новые прощаем.
Смотри, вот та, чья преданность отчизне
Пример для консула, чья добродетель
Могла бы мне вернуть мой юный пыл,
В Теренции * моей рождая ревность!
Какую честь она себе снискала!
Какою бурей радостных приветствий
Ее встречать на стогнах Рима будут!
Как граждане тесниться станут к окнам,
Чтоб на нее взглянуть! Какую зависть
В матронах возбудит ее деянье,
Чей блеск затмит сверканье колесницы
Помпея, за которой в день триумфа
Прикованная Азия * пойдет!
Ее удел - прижизненная слава,
А после смерти имени ее
Столетия не сотрут, затем что будет
Оно, подобно статуе нетленной,
В сердцах потомков жить, когда и мрамор,
И медь, и Капитолий станут прахом!
Фульвия
Твоя хвала чрезмерна, консул.
Цицерон
Нет!
Нельзя перехвалить твои заслуги.
Пусть Курий убедится, что не стыдно
Последовать достойному примеру.
Пусть он поймет, взглянув тебе в лицо,
Чего отчизна ждет от гражданина,
В чем долг его. Пусть он не убоится
Своих друзей-изменников покинуть,
Чтоб жизнь себе и родине спасти.
О матери-отчизне вспомни, Курий.
Отдай ей то, что ей принадлежит
Часть лучшую своей души и сердца,
А страх отбрось - он затемняет ум.
Ты клятвой связан? Ну так что ж! Нет клятвы,
Заставить стать изменником могущей.
Фульвия
Он понял все и мудрый твой совет

Готов принять, но стыд ему мешает.
Я это знаю.
Курий
Что? Ты это знаешь?
Фульвия
Да. Выслушай меня.
(Отводит Курия в сторону.)
Курий
Ах, ты...
Фульвия
Что - я?
Курий
Зачем кричать?
Фульвия
(понижая голос)
Я - то, чем ты быть должен.
С чего ты взял, что впутаюсь я в дело,
Которое Семпронию прославит,
А Фульвию оставит ни при чем,
Хотя б все блага это мне сулило?
Ты заблуждался. Присоединяйся
К нам с консулом и впредь умнее будь.
Иди путем, который я избрала:
Он выгоден и риском не чреват.
Цицерон
Я не могу позволить вам шептаться.
Фульвия
У нас нет тайн. Я только говорю,
Что путь, которым он идет, - опасен.
Цицерон
Нет, не опасен - гибелен. Ужели
Он и его друзья вообразили,
Что боги согласятся дать разрушить
Их детище - великий Рим, который
В течение почти семи веков
Они растят и пестуют? Безумцы!
Да, вижу я, что небеса лишают
Рассудка тех, кого хотят сгубить.
Оставь их, Курий. Ты же не преступник!
Я больше к ним тебя не приравняю
И не заставлю от стыда краснеть.
Стань другом мне и честным человеком,
Отечеству любезным. Верь мне: жизнь,
Что в жертву отдана ему, - прекрасна.
Подумай сам, каким дождем наград
За подвиг твой сенат тебя осыплет.
Не дай себя отчаявшимся людям
Сбить с верного пути и ложной дружбе
Своею добродетелью не жертвуй.
Фульвия

Он прав, мой друг. Его совет разумен.

Курий

Достойный консул, Фульвия, я - ваш.

Я встану за отчизну. Вы меня,

Напомнив мне о долге, устыдили.

Прошу вас, верьте, что мои слова

Мне внушены не страхом.

Цицерон

Милый Курий,

В тебя я верю больше, чем ты сам,

И в этом ты немедля убедишься.

Останься с виду прежним. Затеряйся

Опять в толпе отпетых негодяев,

Разгадывай их тайные уловки,

Скользи им вслед по их тропам змеиным

В лес преступлений, в чашу злодеяний,

Где ползают они, подобно гадам,

Где человека нет, а есть лишь зверь.

Узнай, кто в заговор замешан, кроме

Известных мне Лентула, Катилины

И прочих. Сведай, кто к ним расположен;

Кто те друзья могучие, чье имя

Они скрывают; каковы их планы;

Как их они хотят осуществить

Войной открытой иль внезапным бунтом.

Проникни в их намеренья, и все,

Что важным ты сочтешь для государства,

Мне сообщай иль сам при встрече, или

Через свою достойную подругу,

Которая тебе не даст лениться.

А я уж позабочусь, чтоб отчизна

Была к тебе участливей, чем мать.

Будь нем, как ночь.

Курий

Я буду верен.

Цицерон

В этом

Не сомневаюсь я, хоть в наше время

Клянутся слишком часто. Уверенья

В правдивости лишь умаляют правду.

Кто там?

Входит слуга.

Идите с ним. Он незаметно

Вас выведет.

(Шепчется со слугой.)

Когда придете вновь,

К нему же обратитесь.

(Слуге.)

Посвети им.

Слуга, Курий и Фульвия уходят.

О Рим, тебя недуг смертельный точит!
Всем телом бьешься в лихорадке ты
И сонной головой поник бессильно.
Ты в забытье: тебя ни разбудить,
Ни растолкать. А если на минуту
Ты раскрываешь слипшиеся веки,
То тут же вновь в беспамятство впадаешь.
Я не хую богов. Их попеченьем
Ты не оставлен. Сам себя ты губишь
Беспечностью своей необъяснимой.
Еще необъяснимее, пожалуй,
То, что сказались первые симптомы
Болезни не в достойных членах тела,
А в низменных срамных частях его.
Рим, как ты низко пал, что прибегаешь
К лекарствам непристойным, как глубоко
Ты оскорбил нечестием бессмертных,
Что от доноса грязного зависит
Твое спасенье! Ведь могли же боги
Тебе иными средствами помочь,
Сразив твоих врагов стрелой громовой,
Испепелив их молнией, обрушив
Им на голову горы? иль наслав
На их домашних мор, иль сделав так,
Чтоб до смерти замучила их совесть.
Но, чтобы ты увидел, чем ты стал,
Они тебя с презрением спасают
Руками потаскухи и хлыща.
Ликтор возвращается.
Ну, что? Каков ответ? Пришел Антоний?
Ликтор
Он холодно ответил мне, что тотчас
Последует за мной. Твой брат идет.
(Уходит.)
Цицерон
Увы, мой сотоварищ не надежен.
Я должен позаботиться, чтоб он
Мне не мешал, уж раз помочь не хочет.
Он, хоть и не участник заговора,
Ему в душе сочувствует: ведь тот,
Кто движим вожделением корыстным,
Приветствует любую перемену.
Но я ценой уступок терпеливых
Склоню его на сторону порядка.
Получит он провинцию, которой
Сенат меня назначил управлять.*
Что ж! Иногда нечестным средством нужно
Заставить поступать по чести тех,
Кто без награды честно не поступит.
Но мне пора и о себе подумать.

Для этого сюда я и призвал
Трибунов, брата, родичей, клиентов.
Должны служить законы и друзья
Охраною двойной таким, как я,
Кто в бой вступил с изменою коварной
За честь своей страны неблагодарной,
В глазах которой чаще виноват
Не злоумышленник, а магистрат.
(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Катилины.

Входят Цезарь и Катилина.

Цезарь

Ночь близится. Начнется скоро сходка.
Пора кончать. Итак, будь смел и действуй.
Чем больше медлим мы в опасном деле,
Тем все слабей надежда на успех.
Нередко заговор разоблачался
Лишь потому, что опоздали с ним.
Допустим, ты надежен. Точно так же
Другой и третий. Но всегда найдется
Такой, в чьем слабом сердце страх сильней,
Чем славолюбие или жажда мести.
Теперь, когда вы далеко зашли,
Не время рассуждать, как лучше сделать,
А время делать. Пусть поступки ваши
Преступными считают. Победите
И доблестными все их назовут.
За мелкий грех карают беспощадно,
За крупный - награждают. Нужно думать
Не о начале, с риском сопряженном,
А о конце, который вас прославит,
Ведь в трудный час быть безрассудным - мудро.
Что вам людское мнение, что молва:
Каким путем победа ни добыта,
Позор лишь побежденному грозит!
И, наконец, вы все горите мщеньем,
А тот, кто мстит, не разбирает средств.
Запомни: без обмана и насилия
Достичь великой цели невозможно,
И кто в борьбе быть совестливым хочет,
Тот лишь...

Катилина

Богобоязненный глупец!

Цезарь

Раб суеверный и скотоподобный!
Прощай. Теперь ты знаешь наши мысли
Мои и Красса. Отрасти себе
Огромные, как мощный парус, крылья
И в небо взмой, следов не оставляя.

Не стать змее драконом, не пожрав
Нетопыря.* Ты консулом не будешь,
Покуда страж порядка дышит. Сергей,
Все, что ни хочешь сделать, делай быстро.
Не провожай меня.

Катилина

Сюда идут.

Цезарь

Я должен скрыться.

Катилина

Выйди в эти двери.

Желаю счастья Цезарю и Крассу.

Цезарь

Советов друга не забудь.

(Уходит.)

Катилина

Скорее

Я позабуду, как меня зовут.

Входит Аврелия.

Пришли друзья?

Аврелия

Да.

Катилина

А твои подруги?

Аврелия

Да, тоже.

Катилина

И Семпрония?

Аврелия

Еще бы!

Катилина

Прекрасно. Ведь она всегда, как сера,
Готова вспыхнуть от малейшей искры.

Любовь моя, уговори подруг

Своих мужей втянуть в наш заговор

Иль устранить их, что не так уж трудно

Для тех, кому супруг давно наскучил.

Пусть женщины помогут нам деньгами

И слугам в час назначенный прикажут

Содействовать нам при поджоге Рима.

Сули им власть, богатство и мужчин,

Что слеплены из глины сортом выше,

Чем та, какую мят титан-горшечник.*

Входит Лека.

Кто здесь? А, Порций Лека! Все явились?

Лека

Да, все.

Катилина

(к Аврелии)

Ступай, любимая моя.

Ты знаешь все, что нужно, и, конечно,
 Все сделаешь, как нужно.
 Аврелия уходит.
 Порций, где же
 Серебряный орел, тебе врученный?
 Достань его и всех зови сюда.
 Лека уходит. Входят Цетег, Курий, Лентул, Варгунтей, Лонгин, Габиний, Цепарин,
 Автроний и
 другие заговорщики.
 Катилина
 Друзья, я рад вас видеть и надеюсь,
 Что держим мы совет в последний раз.
 Цетег
 Вот так давно бы!
 Курий
 Мы теряем случай!
 Катилина
 А также и соратников. Известно ль
 Вам, что Пизон в Испании скончался?
 Цетег
 А мы все ждем!
 Лонгин
 Разнесся слух, что он
 Пал от руки приверженцев Помпея...
 Лентул
 Который возвращается обратно
 Из Азии.
 Катилина
 Вот потому и нужно
 Нам поспешить. Садитесь и внимайте.
 Септимия я отрядил в Пицен,*
 А Юлия * в Апулию направил,
 Чтоб там он набирал для нас солдат.
 Ждет в Фезулах * от нас сигнала Манлий
 С толпою нищих ветеранов Суллы.
 Готово все, и дело лишь за нами.
 Входит Лека с серебряным орлом.
 Смотрите, вот серебряный орел,*
 С которым Марий шел войной на кимвров.*
 Поведали мне авгуры, что будет
 Он, как и встарь, для Рима роковым.*
 Поэтому на алтаре домашнем
 Его я и хранил как божество.
 Пусть все поднимут руки и клянутся
 Последовать за ним и сеять смерть,
 Разя внезапно, метко, молчаливо
 Ведь в омуте всегда вода тиха.
 Настало время. Этот год - двадцатый
 С тех пор, как загорелся Капитолий.
 Он должен стать по предсказаниям годом

Крушенья Рима, над которым власть
Лентул захватит, если он захочет.
Курий
А если не захочет, значит, он
Высокого удела недостоин.
Лентул
Удел мой слишком для меня высок,
Но то, что мне назначено богами,
Обязан я принять.
Катилина
А мы не станем
Завидовать тебе: нам остаются
Испания, вся Галлия, Эллада,
И Африка, и Бельгика.*
Курий
Забыл
Ты Азию: Помпей ушел оттуда.
Катилина
Но почему я, римляне, не вижу
Ни пыла, ни отваги в ваших взорах?
Курий
Не может быть! О ком ты говоришь?
Катилина
В глазах у нас, где молнии не блещут,
Лишь ненависть дымится, угасая,
Хоть руки к делу и не приступали.
Не одного кого-нибудь, а всех
Я обвиняю в малодушье.
Цетег
Верно!
Поэтому начни с себя.
Катилина
Однако
И резок же ты, Кай!
Цетег
Зато правдив.
Лентул
Сперва пусть скажут каждому, что делать,
А уж потом винят его в безделье.
Сейчас не время спорить.
Курий
Ах, пусть будет
Два Рима в мире, чтоб разрушить оба!
Цетег
Два Рима - вдвое больше слов!
Курий
Не только
Два Рима - два Олимпа, две природы
Я сокрушил бы, будь они за Рим!
Лентул

Итак, когда начнем?
Катилина
В дни Сатурналий.*
Цетег
Опять отсрочка!
Катилина
Ждать уже недолго:
Осталось меньше месяца.
Цетег
Неделя,
День, час - все слишком долго для меня,
Теперь иль никогда!
Катилина
Но в меньший срок
Не уложиться нам.
Цетег
А проволочка
Того гляди всех нас уложит в землю:
В таких делах свершение не должно
От мысли отставать.
Катилина
Твой светлый разум
Тебе сегодня изменяет, Кай.
Подумай, как для нас удобен праздник,
Когда весь город занят лишь пирами...
Лентул
И предается радостям беспечно...
Автроний
Когда царит свобода в каждом доме...
Курий
И господам равны рабы.
Лонгин
Они
Помогут нам...
Курий
Чтоб вырваться на волю
Или своим владельцам отомстить.
Варгунтей
Нет, выбрать день удачней - невозможно.
Лентул
Зачем надежды наши ты, Цетег,
Из пылкости чрезмерной разрушаешь?
Цетег
Зачем надежды ваши в вас, Лентул,
Чрезмерную уверенность вселяют?
Катилина
Пусть думает как хочет.
(Тихо Лентулу.)
Не забудь,
Что я сказал, и действуй.

Лонгин
Пусть бранится.
Лентул
Но ведь пожар мой город уничтожит.
Катилина
Зато под пеплом ты найдешь так много
Богатств, что новый выстроишь себе.
Мы ж без поджога обойтись не можем.
Лонгин
Как иначе нам запугать врагов?
Варгунтей
Да, резать их в сумятице удобней.
Курий
Смерть им!
Цепарин
Всем смерть!
Автроний
Да станут трупы жертвой
Богам подземным!
Курий
Алтарем - земля!
Лонгин
А гордый Рим - костром для всесожженья!
Лека
О, ночь будет славной!
Варгунтей
Как при Сулле!
Курий
Мужья и жены, старики и дети,
Рабы и господа, жрецы и девы,
Кормилицы и сосунки грудные
Одним потоком устремятся в ад.
Катилина
Я вам пожар устроить поручаю,
Стабий и Лонгин. В полночный час,
Когда раздастся зов трубы условный,
С двенадцати концов зажгите Рим.
Для этого оружие, паклю, серу
К Цетегу в дом заранее снесите.
Габиний, ты разрушишь акведуки
И не подпустишь никого к воде.
Курий
Что делать мне?
Катилина
Не бойся: дела хватит.
Убийства ты возглавишь.
Курий
Мне с Цетегом
Доверь задачу эту.
Катилина

Я с войсками
Отрежу путь из города бегущим.
А ты, Лентул, обложишь дом Помпея
И сыновей его живьем возьмешь:
Без них с отцом нам не договориться.
Всех остальных косите без пощады,
Как маки попирающий Тарквиний,*
Как жнец, серпом срезающий волчцы,
И проредите, словно плуг, чей лемех,
Пласты взрезая, улучшает почву,
Сенат неблагодарный и народ.
Пускай ни предки, ни потомки с вами
В жестокости и злобе не сравнятся;
Пусть ваша ярость будет иступленней,
Чем грохот водопада, рев прибоя,
Свист урагана, завыванье бури,
Шипение огня и визг Харибды! *
Так суждено. Все это совершится.
И раньше б совершилось, будь я консул.
Лентул
Как держится Антоний?
Катилина
Он для нас
Потерян: он стакнулся с Цицероном,
Рожденным, чтобы мне во всем мешать.
Курий
Покончим с краснобаем!
Цетег
И быстрее.
Катилина
Ты прав. Но кто рискнет на это?
Курий и Варгунтей
(одновременно)
Я.
Цетег
Прочь! Жизнь его лишь мне принадлежит.
Лентул
И как же ты пресечь ее намерен?
Цетег
Не спрашивай. Он должен умереть.
Нет, это слишком долго. Он умрет.
Нет, это слишком медленно. Он умер.
Катилина
Единственный из римлян, в ком отваги
Хватило бы на всех жильцов земли,
Ты помощь от друзей принять обязан.
Лентул
Цетег, возьми с собою Варгунтея:
Ведь ты с ним друг.
Катилина

Клиентами прикиньтесь
И под предлогом утренних приветствий *
Войдите к Цицерону в дом.
Цетег
Зачем?
Варгунтей
Затем, чтобы убить его в постели.
Цетег
Нет, я решил идти своей дорогой.
(Уходит.)
Катилина
Мой Варгунтей, останови его
И убеди свершить убийство утром.
Лонгин
Ведь ночью можно возбудить тревогу...
Лентул
Иль промахнуться...
Катилина
Умоляй его
Во имя всех друзей...
Лентул
И нашей клятвы.
Варгунтей уходит.
Входят Семпрония, Аврелия и Фульвия.
Семпрония
Как затянулась сходка у мужчин!
Аврелия
И говорят еще, что многословье
Присуще женщинам!
(Шепчется с Катилиной.)
Фульвия отводит Курия в сторону.
Семпрония
Мы все решили
И действовать готовы.
Лонгин
Что за пылкость!
А впрочем, ты в ней знаешь толк.
Семпрония
Откуда
Тебе известно это, бочка с салом?
Лонгин
От дочери родителей твоих.
Катилина
Семпрония, оставь его. Он шутит,
А думать нужно о вещах серьезных.
Аврелия сказала, что держалась
Ты с ними, как мужчина и оратор.
Семпрония
Иначе быть и не могло. Должны
Мы к делу перейти, а не дрожать

И ждать, пока наступит миг удобный.
Катилина
Разумные слова!
Семпрония
Наш заговор
Победой увенчается. Немногим
Рисуем мы.
Каталина
Аврелия, зови
Подруг к столу. Как! Фульвия исчезла?
Семпрония
Нет, просто голубки уединились.
Курий
Бедняжка так устала от сиденья!
Семпрония
И потому не терпится вам лечь?
Фульвия
Семпрония, мне в самом деле худо.
Прошу хозяйку извинить меня:
Здоровье я должна беречь. Прощайте.
Уж за полночь. Домой я отправляюсь,
Но Курия оставлю вам.
Аврелия
Прощай.
Курий
(тихо к Фульвии)
Спешу к нему. Пусть он скликает стражу,
Затем что за Цетегом вслед туда
Направятся Корнелий с Варгунтеем,
Которым напускное дружелюбие
Скорее доступ к консулу откроет,
Чем дерзкий вид предшественника их.
Идем к носилкам. Кстати доложи,
Что был здесь Цезарь.
Катилина
Фульвия, ужели
Ты нас покинешь?
Фульвия
Милый Катилина,
Я что-то расхворалась.
Катилина
Ну, желаю
Тебе здоровья. Проводи к носилкам
Ее, Лентул.
Лентул
Почту за долг и счастье.
Все, кроме Катилины, уходят.
Катилина
Кого я только не избрал орудьем:
Безумцев, нищих, потаскух, глупцов,

Преступников и честолюбцев - словом,
Всю накупь Рима. Что ж! Нельзя иначе.
Ведь каждый на своем полезен месте:
Раб нужен, чтобы груз таскать, слуга
Чтоб разводить огонь, мясник - чтоб резать,
А виночерпий - чтобы отравлять.
Вот точно так же и друзья мне служат:
Лентул - приманкой, палачом - Цетег,
А соглядатаями и бойцами
Лонгин, Статилий, Курий, Цимбр, Цепарин
Со сворою изменниц и воровок,
Которым по привычке имя женщин
Присваиваем мы, хоть эти твари
Способны удушить родного мужа,
Коль он упрям, ограбить - коль покладист,
Чтоб только денег на разврат добыть.
Ужели не удастся Катилине
С их помощью так дело повернуть,
Чтоб им достался труд, а плод - ему,
Чтоб Цезарь пожалел о наставленьях,
Преподанных тому, кто сам научит
Его злодейству? В день, когда друг друга
Все эти люди истребят, как войско,
Что из зубов дракона родилось,*
И он погибнет в общей свалке так же,
Как Красс, Помпей и все, что на величье
Посмеет притязать. Пусть превратятся
В желчь кровь моя и в воду мозг, пусть меч,
Из рук моих, от страха дряблых, выпав,
Мне сам собою в грудь вонзится, если
Я пощажу того, кто не захочет
Слугою стать моим. А кто захочет,
Тот - жалкий раб и не опасен мне.
Пускай моя жестокость обессмертит
Мое вселяющее ужас имя,
И пусть потомки силятся напрасно
Содеянное мною повторить.
Все, что способны духи зла измыслить,
Все зверства и насилия, на какие
Ни галлам, ни завистливым пунийцам
Не удалось обречь мою страну,
Я совершу один за ночь одну.

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Цицерона.

Входят Цицерон, Фульвия и слуга.

Цицерон

Благодарю за бдительность.

(Слуге.)

Немедля

Созвать сюда всех слуг. Где брат мой Квинт?
Слуга уходит.
Знай, Фульвия, что ты и друг твой Курий
Спасли меня. Нет, не меня - весь Рим.
Входит Квинт Цицерон.
О брат мой, те, кем адский план составлен,
Уже взялись за дело. Где оружие?
Раздай его домашним и вели,
Чтоб до света не отпирали двери.
Квинт Цицерон
Как! Даже для клиентов и друзей?
Цицерон
Под их личиной и должны явиться
Ко мне убийцы. Созови Катона,
Катула - я обоим доверяю,
Двух преторов - Помтиния и Флакка
И через задний ход ко мне введи.
Квинт Цицерон
Брат Марк, смотри не рассмеши врагов
И не обидь друзей чрезмерным страхом.
Цицерон
За братский твой совет благодарю,
Но делай, как прошу я.
Квинт Цицерон уходит.
Осторожность
Не страх. Ты говоришь, там был и Цезарь?
Фульвия
С ним у дверей столкнулся Курий.
Цицерон
Вот как!
Вы, женщины, там тоже совещались?
А кто держал пред вами речь?
Фульвия
Все та же,
Кто говорила бы, будь нас хоть сотня,
Семпрония, которая не раз,
Изысканностью стиля похваляясь,
Нас вопрошала, может ли удачней
Ученый консул Цицерон сказать.
Цицерон
Какой приятный враг! Хотел бы я,
Чтоб и Цетег таким же был безвредным!
Но мне и он не страшен. Я храню
Бессмертными и совестью спокойной,
Которая утраивает силы
Того, кто посвятил их государству,
И учит ни на шаг не отступать
Перед угрозой.
Входит Квинт Цицерон.
Кто там, брат?

Квинт Цицерон
Катон,
Катул и с ними Красс. Я их по саду
Провел сюда.
Цицерон
Красс? Что он хочет?
Квинт Цицерон
Слышал
Я, как шептались люди у ограды,
Боясь, не рано ли они явились.
Я думаю, что это собрались
Твои клиенты и друзья, которым
Не хочется тебя будить.
Цицерон
Ты скоро
Увидишь, что ошибся. Ты сказал
Привратнику, чтоб никому он двери
Не открывал?
Квинт Цицерон
Да.
Цицерон
Выйдем и посмотрим.
Уходят.
СЦЕНА ПЯТАЯ
Улица перед домом Цицерона.
Входят Варгунтей и Корнелий с вооруженными людьми.
Варгунтей
Еще закрыта дверь.
Корнелий
Ты постучись.
Варгунтей
Расставь людей, чтоб в дом вослед за нами
Они ворвались разом.
Корнелий
Где Цетег?
Варгунтей
Он в одиночку действовать намерен.
Наш план ему не по душе.
(Стучится.)
Привратник
(за дверью)
Кто там?
Варгунтей
Друзья.
Привратник
(за дверью)
Дверь до утра я не открою.
Варгунтей
В чем дело?
Корнелий

Почему?
Привратник
(за дверью)
Таков приказ.
Варгунтей
Чей?
Корнелий
Неужели стал наш план известен?
Варгунтей
Вернее, выдан. - А скажи, приятель,
Кто дал такой приказ?
Привратник
(за дверью)
Кто ж как не консул?
Варгунтей
Но мы его друзья.
Привратник
(за дверью)
Мне все едино.
Корнелий
Ты назовись ему.
Варгунтей
Приятель, слышишь?
Зовусь я Варгунтеем и немедленно
Увидеть должен консула.
Цицерон
(показываясь в окне вместе с братом,
Катоном, Катулом и Крассом)
Но консул
Осведомлен о том, что не из дружбы
К нему так рветесь вы.
Варгунтей
Ты обознался!..
Цицерон
А где же ваш неистовый Цетег?
Варгунтей
Он знает голос мой. Поговори-ка
С ним лучше ты, Корнелий.
Цицерон
Ну, о чем
Вы шепчетесь?
Корнелий
Верь, консул, ты ошибся.
Цицерон
Несчастные, не я, а вы ошиблись,
На путь злодейства встав. Еще не поздно.
Раскайтесь и прощенье заслужите,
Забыв свои безумные мечты
О грабежах, поджогах и убийствах.
У государства есть глаза. Оно

Следит за вами так же неотступно,
Как вы ему пытаетесь вредить.
Не мните, что его долготерпенью
И кротости предела нет. Не люди
Так сами боги покарают вас.
Одумайтесь, пока еще есть время.
Исправьтесь. Содрогаюсь я при мысли
Об участи, которая ждет тех,
Кто честно жить не хочет иль не может.
Катон
Марк, слов не трать на конченных людей,
А прикажи схватить их.
Катул
Раз тобою
Разоблачен их умысел злодейский,
Пусть правосудье им воздаст.
Варгунтей
Бежим,
Пока не видно наших лиц. Мы скажем,
Что кто-то выдавал себя за нас.
Корнелий
И отопремся от всего.
Уходят.
Катон
Где стража?
Квинт, город поднимай, зори трибунов.
Ты слишком мягок, консул. Быть не может
Прощения подобному злодейству.
Все доложи сенату.
Внезапный удар грома и вспышка молнии.
Слышишь? Боги
Разгневаны терпимостью твоей.
Внемли им и не дай уйти виновным.
Зло пробудилось. Пусть закон не дремлет.
Уходят.
Появляется хор.
Хор
Что небеса готовят нам?
Ужель подвергнут боги наказанью
Всю нашу землю, чьим сынам
Не терпится затеять вновь восстанье? *
Вселенную объемлет страх:
Заплатит мир за преступления Рима.
Уже созрело зло в сердцах,
Хотя для глаз оно еще незримо.
В смятенье знать, жрецы, народ.
Все званья, полы, возрасты теснятся"
Под сводом городских ворот,
Спеша с отчизной гибнущей расстаться.
Но всюду ожидает их

То, от чего они бегут напрасно,
Затем, что груз грехов своих
Влачат с собою грешники всечасно.
Увы! Виновным никогда,
Себя никто до кары не признает.
Мы любим зло, пока вреда
И боли нам оно не причиняет.
Гнев небожителей навлек
Рим на себя безмерною гордыней,
И беспощадный рок обрек
Его на гибель и позор отныне.
Отравлен властолюбьем он,
Болезнью неизбывной и смертельной.
Кто этим ядом заражен,
Тот алчности исполнен беспредельной.
Как ни велик предмет иной,
Таким он станет лишь вблизи для ока,
А властолюбец вещь большой
Считает лишь, когда она далеко.
О, если б от преступных дел,
Исчерпавших небес долготерпенье,
Отречься гордый Рим успел,
Пока не грянул грозный день отмщенья!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица у подножья Капитолия. Гроза.
Входят послы аллоброгов.* Их обгоняют промокшие и дрожащие сенаторы.
Первый посол
Ужель испуг знаком и этим людям,
Что властвуют над нами и над миром?
Иль просто небо, чтобы нас утешить,
Унизить хочет их и на глазах
У нас вселяет смехотворный страх
В тех, перед кем мы в Галлии трепещем?
Да разве на мужчин они похожи?
На молнию взглянув, они бледнеют.
Гром обращает в бегство их, как стадо.
Нет, если б даже рушился весь мир,
И то нельзя простить такую трусость!
Зачем, как суеверные глупцы
Или рабы, мы жалобу приносим
На лихоимство, гнет и униженья
Сенаторам, которых превратило
В тиранов наших наше малодушье?
Им только наше робкое дыханье
Величье придает, их спесь вздувая,
Хоть этой сталью,
(указывает на свой меч)
как пузырь, могли бы
Ее мы проколоть, будь мы смелей,

Но мы еще заставим их вернуть
Богов, страну и достоянье наше:
Как ни обезоруживай народ,
Он, встав за вольность, меч себе найдет.
Входят Катон, Катул и Цицерон.
Катон
Неистовствуй, всеправедное небо!
Пусть мощь твою почувствуют злодеи,
Погрызшие в бесстыдных преступлениях.
О каре ты должно напомнить им.
Катул
Страшнее утра я вовек не видел.
Катон
Да, для людей, подобных Катилине.
Но тот, кто добродетелен, не дрогнет,
Хотя бы даже небеса излили
В одном раскате грома весь свой гнев
И расшатали скрепы мироздания.
Цицерон
Ты прав, Катон: не дрогнем мы. Кто это?
Катул
Послы аллоброгов. Я по одежде
Их опознал.
Первый посол
Смотрите, это люди
Совсем другой породы. К ним прибегнем:
Кто духом тверд, тот сердцем справедлив.
Цицерон
Друзья народа римского, простите,
Что ваше дело на день мы отложим.
Но завтра утром пусть его сенату
Доложит Фабий Санга, ваш патрон,
И вам дадут - как консул, в том ручаюсь
Ответ, достойный вашего терпенья.
Первый посол
Мы большего и не желаем, консул.
Катон, Катул и Цицерон уходят.
Приветливостью этот магистрат
В меня вселил к себе почтенья больше,
Чем дерзостью и чванным видом те,
Кто тщатся оправдать высокомерием
Не по заслугам данную им власть.
Как явственно отличен дух высокий
От грубых гневных душ, всегда готовых,
Как сера, вспыхнуть с треском и зловоньем!
Пусть небо нас сведет с людьми, чье сердце
Не будет глухо к просьбам и мольбам,
Кто сострадать чужой беде умеет,
С людьми, чья слава зиждется не только
На их успехе в собственных делах,

Но и на том, что защищают смело
Они любое праведное дело!
Послы аллоброгов уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Храм Юпитера Статора.* Входят Цицерон, Антоний, Катон, Катул, Цезарь, Красс,
сенаторы, претор и
низшие магистраты.

Претор

Дорогу консулам! Отцы,* садитесь!
В храм бога, охраняющего Рим,
Велел сенат созвать на заседание
Марк Туллий, консул. Слушайте его.

Цицерон

Пусть Риму счастье впредь, как и доныне,
Сопутствует! Почтенные отцы,
Пусть даже умолчу я об угрозе,
Нависшей над отечеством и вами,
Пусть даже тьма, которая черней
Беззвездной ночи и души смутьянов,
От вас опасность скроет, - все равно
Так громко голос неба нынче утром
Вам возвестил о предстоящих бедах,
Что свой смертельный сон стряхнете вы.
Уж я не раз предупреждал сенат
О заговоре, но в него поверить
Вы не хотели или потому,
Что слишком он чудовищным казался,
Иль просто вы меня сочли способным
Его измыслить ради ложной славы.
Но ошибались вы: он существует
И станет явью, а тогда назвать
Придется по-иному недоверье
К моей, увы, оправданной тревоге.
Что до меня, чью жизнь лишь час назад
Прервать мечи мятежников пытались,
То ею я охотней, чем они
Лишили бы меня ее навеки,
Пожертвовал бы ради мира в Риме.
Но так как жизнь моя нужна смутьянам,
Чтоб вслед за мною погубить весь Рим,
Себя спасти я должен вместе с ним.

Цезарь

(тихо Крассу)

Смотри, ну и хитрец! Стальной нагрудник
Под тогу он надел, чтоб показать,
Какой его опасности подвергли.
Как глуп был Варгунтей, назвавшись прежде,
Чем дверь ему привратник отворил!

Красс

(тихо Цезарю)

Неважно. От всего он отопрется,
Тем более что нет прямых улик.
Где Катилина?
Цезарь
(тихо Крассу)
Я послал за ним.
Красс
(тихо Цезарю)
Ты дал ему совет держаться смело?
Цезарь
(тихо Крассу)
Ему и так нужда не даст робеть.
Красс
(тихо Цезарю)
Выказывай открыто недоверье
К любому слову в речи Цицерона.
Цезарь
(тихо Крассу)
О, я его взбешу!
Красс
(тихо Цезарю)
И тем поможешь
Его врагам.
Входит Квинт Цицерон с трибунами и стражей.
Зачем он брата вызвал?
Что тот ему за новости принес?
Цезарь
(тихо Крассу)
Наверно, наставленья от супруги,
Как должен он держаться.
Цицерон
Квинт, расставь
Своих людей у входа и по зданию
И всем им благодарность передай.
Отрадно видеть, что еще остались
У Рима верные сыны.
Цезарь
Антоний,
Как консул мне ответь: что это значит?
Антоний
Об этом знает лишь мой сотоварищ.
Спроси его. Я обещал ему
Не спорить с ним и получил за это
Его провинцию.
Цицерон
Отцы, поверьте,
Мне горько сознавать, что я к оружию
Прибегнуть должен для защиты вашей.
И от кого! От гражданина Рима,
Патриция, как вы, и человека

Высокого рожденья и достоинств,
 Которые прославили б его,
 Когда б он их употребил на благо,
 А не во зло родному государству.
 Но в нищете родителем зачатый,
 Распутницей-сестрой в грехе возвращенный,
 В аду войны гражданской возмужавший,
 Начавший службу родине с убийств
 Сограждан знатных и руководимый
 Привычкой и наклонностью к разврату,
 Чего он может в жизни добиваться,
 Как не преступной цели? Сознаюсь,
 Я сам в его злодействах убедился
 Глазами прежде, нежели умом,
 И ощутил их раньше, чем увидел.
 Цезарь
 В чем состоят его злодейства, консул?
 В неблаговрадье ты его винишь,
 А сам ведешь себя неблаговрадно.
 Мудрец не станет из вражды к виновным
 Уподобляться им.
 Цицерон
 Достойный Цезарь
 Божественную истину изрек.
 Но если я дерзну ему заметить,
 Что и в его неблаговрадье можно
 Примету преступленья усмотреть,
 То нас от изречений неуместных
 Избавит он и смолкнет.
 Входит Катилина и садится рядом с Катоном; тот встает.
 Катон
 Вот и он.
 Пусть тот, кто верит в честность Катилины,
 Садится рядом с ним. Катон не сядет.
 Катул
 (вставая с места)
 И я не сяду, раз Катон не сел.
 Катилина
 Зачем так настороженно глядите
 Вы на меня, отцы? Прошу смиренно
 Назвать причину сдержанности вашей.
 Цезарь
 Здесь утверждают, Луций, что намерен
 Ты бунт возглавить.
 Цицерон
 И докажут это.
 Катилина
 Пусть даже так. Ведь если в государстве
 Сосуществуют два различных тела,
 Одно из коих - слабое, больное,

Но с головой, другое же, напротив,
Здоровое, зато без головы,
Второму вправе я ее приставить.
Отцы, не возмущайтесь, но спокойно
Мне дайте до конца договорить.
Припомните, кто я - и как ничтожен,
Как низок родом обвинитель мой,
Пустой болтун и выскочка бесстыдный,
Кому в борьбе со знатью красноречье
Орудьем служит.
Катон
Замолчи, изменник!
Он честен и отчизну любит так,
Как и тебе любить ее не худо б.
Катилина
Катон, ты чересчур к нему привержен.
Катон
Нет, это ты не в меру нагл и дерзок.
Катул
Умолкни, Катилина!
Катилина
Я боюсь,
Что слишком поздно начал защищаться.
Цезарь
(в сторону)
Да сядет ли он наконец!
Катилина
Пусть мир
Оправдывает сам мои деянья.
Мне это не пристало. Я - невинен.
(Садится.)
Катон
Невинен ты - как Фурии.
Цицерон
Как Ата.*
Когда ж ты покраснеешь, Катилина?
Иль ты злодейством бледным иссушен
И в жилах у тебя не больше крови,
Чем чести - в сердце, доблести - в груди?
Доколе же испытывать ты будешь
Терпенье наше и в своем безумье
Упорствовать? Где тот предел, который
Ты в дерзости своей не перейдешь?
Ужели ни военная охрана,
Что ночью Палатин * оберегает,
Ни городская стража, ни испуг
Народа, ни стоящая у храма
Толпа благонамеренных сограждан,
Ни святость места, где сенат собрался,
Ничто тебя не может поразить?

Ужели ты не видишь, что раскрыты
Намеренья твои, а сам ты связан
В любом своем движении, ибо стало
Про заговор уже известно всем?
Не думаешь ли ты в собрание этом
Найти людей, которые не знали б,
Уж если говорить начистоту,
Что этой ночью делал ты, что прошлой,
Где был, с кем совещался, что решил?
О времена, о нравы! Все, все видят
Сенат и консул, а злодей живет!
Живет? Не только. Он в сенат приходит
И рассуждает о делах правления,
Меж нами взором жертву выбирая.
А мы, коль посчастливится случайно
Нам от его оружия ускользнуть,
Мним, что тем самым родину спасаем.
Но ведь когда-то были в Риме доблесть
И граждане, которые умели
Обуздывать преступного квирита
Суровее, чем внешнего врага!
Знай, Катилина, что уже издал
Сенат против тебя постановление.*
Закон и власть - все есть у государства.
За кем же остановка? Лишь за нами,
Кто в консульскую тогу облачен.
Вот уж двадцатый день ржавеет в ножнах
Стальной клинок сенатского декрета,
Хоть стал бы трупом ты, будь вынут он.
А ты живешь и гнусную затею
Не оставляешь, но осуществляешь.
Отцы, желал бы я быть милосердным,
Хотя опасность над страной нависла,
Но мне, увы, тогда себя пришлось бы
В преступном нерадении обвинить.
Уж лагерем враги отчизны стали
В ущелий, к Этрурии ведущем.
Число их возрастает с каждым днем,
А их главарь здесь, за стенами Рима,
Меж нас, в сенате сеть злодейских ков
Плетет открыто родине на гибель.
Да если бы я даже приказал
Тебя казнить на месте, Катилина,
Меня скорей бы стали все винить
В медлительности, чем в жестокосердь.
Катон
Все, кроме тех, кто из того же теста.
Цицерон
Но есть причины у меня помедлить
С тем, что давно бы надо сделать.

Тебя велю схватить я лишь тогда,
Когда любой распутник и преступник,
Ну, словом, человек, тебе подобный,
Сочтет мое решение законным.
Пока же хоть один среди живых
В твою защиту выступить дерзает,
Ты будешь жить, но жить, как ты живешь
Под неусыпной строгою охраной,
Без сил и средств вредить своей отчизне.
Довольно у меня ушей и глаз,
Чтоб за тобой и впредь следить, как раньше,
Хоть этого ты и не замечал.
На что же ты рассчитываешь, если
Ни ночь сокрыть не может ваших сборищ,
Ни стены заглушить не в силах шепот
Твоих клеветов, если все наружу
Выходит и становится известным?
Опомнись наконец и перестань
Стремиться к грабежам, резне, поджогам.
Ты не забыл, как я назвал сенату
Тот день, когда Кай Манлий, твой приспешник,
Возьмется за оружие? Не прав ли
Я был, определяя план и срок?
Предупредил сенат я, что намерен
Ты в пятый день после календ ноябрьских *
Предать нас всех мечу. Узнав об этом,
Уехало из Рима много знати.
Попробуй отрицать, что в этот день
Я не разрушил замысел твой черный,
Держа тебя под бдительным надзором?
Ведь ты не мог и пальцем шевельнуть
Отечеству во вред и утешался,
Смотря на уезжающих, лишь мыслью,
Что крови нас, оставшихся, тебе
Довольно будет. Разве не мечтал
Ты ночью штурмом захватить Пренесту *
И разве, подступив к ней, не нашел,
Что я ее к отпору подготовил?
Не можешь ты содеять, предпринять
Или замыслить ничего такого,
Что до меня бы не дошло. Я всюду
С тобой, в тебе и впереди тебя.
Припомни вашу сходку этой ночью
Я не таюсь, как видишь, - в доме Леки,*
Приюте и гнезде твоих клеветов,
Которые питают, как и ты,
Безумные злодейские стремленья.
Что ж ты молчишь? Заговори, и это
Тебя же уличит. Я вижу здесь,
В сенате, тех, кто был с тобою ночью.

О сонм богов бессмертных! Где же мы?
В каком краю и городе живем?
Какое государство населяем?
Здесь, здесь, отцы, меж вас и рядом с вами
В священнейшем собрании вселенной
Присутствуют те, кто готовит гибель
И мне, и вам, и городу, и миру,
Кто рад бы даже солнце потушить,
Чтобы свое потешить честолюбие.
А я, ваш консул, должен ежедневно
Смотреть на них как на сограждан честных,
Дела правленья с ними обсуждать
И оскорбить не смею даже словом
Тех, кто давно заслуживает казни.
Ты ночью был у Леки, Каталина,
Италию на части с ним делил,
Определял, кому куда поехать,
Указывал, кому остаться в Риме,
И намечал те городские зданья,
С которых надо начинать поджог.
Ты объявил, что сам уедешь вскоре
И что отъезду твоему мешает
Лишь жизнь моя. Тут три твои клеврета
С помехой этой вызвались покончить,
И двум из них ты отдал приказанье
Меня в постели до зари убить.
Но разойтись еще вы не успели,
Как я уж все узнал, созвал друзей,
Вооружил домашних и не принял
Твоих людей, чьи имена заране
Кое-кому из знати сообщил.
Катон
Катул все это может подтвердить.
Цезарь
(в сторону)
Конец! Теперь все против Каталины!
Цицерон
Чего ж ты ждешь, враг Рима и народа?
Распахнуты ворота. Уходи!
Вождя твой лагерь в Фезулах заждался.
Бери с собой друзей, очисти город,
Чтобы твоя злокозненная шайка
В нем воздух перестала отравлять.
От всех тревог избавишь ты меня,
Когда стена с тобою нас разделит.
Ужель ты не исполнишь по приказу
Того, к чему так долго сам стремился?
Ступай! Уйти повелевает консул
Тебе, врагу. Ты спросишь: не в изгнанье ль?
Что хочешь, то и думай. Я же просто,

Коль ты совета ждешь, - даю его.
Что может удержать тебя в столице,
Где в каждом, кроме кучки негодяев,
Ты вызываешь ненависть и страх?
Клеймом каких поступков непотребных
Еще ты не запятнан в частной жизни?
Какой разврат, какое преступление
Над именем твоим не тяготеют?
Какой соблазн не приковал к себе
Твой взор, какое злодеянье - руки,
Какой порок - все существо твое?
Кому из молодых людей, попавших
В тенета и силки твоих посулов,
Меча ты не подсунул для убийства,
Не предоставил ложа для греха?
Я обхожу презрительным молчаньем
Всю гнусность твоего второго брака,
Дабы никто не заключил, что может
Такое вообще случиться в Риме
Иль с рук сойти виновному. Не стану
И разоренья твоего касаться
(Оно к ближайшим идам станет явным),*
Но сразу перейду к тому, что прямо
Затрагивает безопасность Рима,
Угрозе подвергая жизнь нас всех.
Не ты ль стоял при консульстве Лепида
И Тулла на комиции * с оружием
И с помощью наемных негодяев
В день выборов пытался устранить
И консула, и прочих магистратов,
Которые тогда спаслись от смерти
Не потому, что ты заколебался,
А потому, что боги Рим хранят?
Признайся, сколько раз исподтишка
Ты направлял мне в сердце сталь, которой
Я избегал, как говорится, чудом,
И сколько раз кинжал из рук твоих
Был выбит или выскользнул случайно,
Хоть снова в них блеснит, как будто ты
Свершил над ним какое-то заклетье
И дал обет, что он любой ценою
Быть должен в тело консула вонзен.
Но говорить я буду, вдохновляясь
Не гневом, столь заслуженным тобою,
А жалостью, которой ты не стоишь.
Катон
Ее он стоит, как Тантал * иль Титий! *
Цицерон
Вот ты пришел в сенат и занял место,
Но кто из многолюдного собрания,

Кто из друзей приветствовал тебя?
Кто захотел сидеть с тобою рядом?
Иль не заметил ты, как консуляры,*
Тобою обреченные мечу,
При появлении твоём вставали,
Чтоб от тебя бежать, как от чумы?
Да если бы меня мои рабы
Боялись даже вполонину меньше,
Чем мы, сограждане, тебя боимся,
Свой дом покинуть я бы долгом счел!
Уйди. Избавь от страха государство.
Иль ждешь ты, чтобы я сказал - куда?
Изволь, могу сказать: уйди в изгнание!
Что ж медлишь ты? Здесь все со мной согласны,
И приговор мой лучше, чем словами,
Безмолвием сената подтвержден.
Сенат спокоен - значит, он одобрил;
Не возражает - значит, согласился;
Хранит молчанье - значит, все решил.
Будь я неправ, меня б давно прервали.
Но ты ведь не из тех, кого удержишь
От низкого поступка - пристыдив,
От дерзостной затеи - припугнув,
От ярости слепой - воззвав к рассудку.
Уйди. А впрочем, разве так уж нужно
Мне приглашать тебя уйти туда,
Куда ты сам людей вооруженных
Послал с наказом ожидать тебя
У Форума Аврелия? * Я знаю,
Когда и где тебя встречает Манлий,
В чей лагерь тот серебряный орел,
Который гибель принесет тебе же,
А не отчизне, как ты полагал,
Тобою был заранее отправлен.
Но вдруг мне бросит наш сенат упрек:
"В уме ли ты, Марк Туллий? Раз известно.
Что Катилина - злостный поджигатель
Раздоров, смуты и войны гражданской,
Изменник и зачинщик заговора,
Главари убийц, пример для всех злодеев,
Зачем ему позволил ты уйти
И полную свободу предоставил?
Не должен ли ты был его схватить,
Чтоб он понес заслуженную кару?"
На этот правый гнев я так отвечу:
"Отцы, сочти я нужным и полезным
Его предать немедля смертной казни
И дня б не прожил этот гладиатор.*
Но так как есть меж нас в сенате люди,
Которые, не веря в заговор

И будучи терпимы к Катилине,
Его тем самым пуще поощряли
И привлекли на сторону его
Немало слабых и дурных сограждан,
Обязан я изгнать его, чтоб всем
Стал ясен смысл его кровавых планов;
Чтобы любой глупец или преступник
Их разгадал, отверг и осудил;
Чтоб вслед за ним покинули наш город
Порочные приспешники его
Сообщество безумцев разоренных;
Чтоб был не только выдавлен нарыв
На теле родины, но вырван корень
И самый возбудитель всех болезней.
Тогда как, устранив лишь Катилину
И остальных изменников не тронув,
Вздохнули б только на минуту мы,
Затем что не был бы недуг излечен,
А глубже в плоть отечества проник.
Ведь если напоить водой холодной
Того, кто лихорадкою снедаем,
То жар спадет лишь на короткий миг,
А вслед за тем еще сильнее станет.
Итак, пускай злодеи удалятся,
Пускай отделятся от честных граждан
И соберутся вместе наконец;
Пускай - я уж не раз просил об этом
От них нас стены Рима защитят,
Чтоб эти негодяи перестали
На консула готовить покушенья,
В суд к преторам с оружием врываться,
Накапливать и прятать серу, паклю,
Мечи и зажигательные стрелы,
Короче говоря, чтоб убежденья
Написаны у всех на лицах были.
А я клянусь, отцы, себе и вам,
Что будут ваши консулы (я - в Риме,
Вне Рима - сотоварищ мой) так тверды,
Вы сами - так решительны и властны,
Патриции, которым лишь с трудом
Расправиться на месте со злодеем
Я нынче помешал, - так неусыпны
И все квириды так единодушны,
Что сразу же как только Катилина
Оставит Рим, мы замыслы его
Разоблачим, расстроим, покараем.
Покинь же город, язва здешних мест,
И при зловещих предзнаменованиях
Иди на смерть, веди на истребленье
Тех, кто с тобой кровавой клятвой связан!

А ты, Юпитер, охранитель Рима,
Такой же грозной молнией, как утром,
Твой жертвенник, и остальные храмы,
И городские зданья, стены,
И жизнь, и достоянье наших граждан
От злобы Катилины защити.
Изменников же и врагов народа,
Италию стремящихся разграбить
И спаянных злодейством меж собой,
За муки, причиненные отчизне,
Низринь по смерти в ад, казнив при жизни!

Катилина

Отцы, коль празднословия довольно,
Чтоб доказать вину, то я виновен:
Не зря же консул, соревнуясь с небом,
Метал в меня ораторские громы.
Однако слишком мудры вы, отцы,
Чтоб веру дать тем мерзостным наветам,
Которые он изблевал из уст
На человека вашего сословья,
Патриция, чей род перед отчизной
Заслуг имеет столько, сколько вряд ли
Измыслил бы мой враг велеречивый,
Служи он правде, а не гнусной лжи.

Катон

Отечеству, сорвав с тебя личину,
Он красноречьем больше услужил,
Чем прадеды твои своей отвагой,
И это будет помнить Рим, который
Он спас.

Катилина

Кто? Он? Да будь я тем врагом,
Каким меня изобразить он тщится,
Я и тогда отчизне бы вредил
Лишь для того, чтоб ей не дать погибнуть.
Зачем в Атланта или Геркулеса
Ты превращаешь выскочку, Катон?

Катон

Изменник!

Катилина

Как! Простолюдин арпинский
Спаситель Рима? Да скорее боги
Погубят двадцать Римов, чем потерпят,
Чтоб помогло ничтожество такое
Им уберечь не то что целый город
Простой сарай!

Катон

Чудовище, умолкни!

Катилина

Да ведь им было б легче во сто крат

Вновь первозданным прахом стать, чем слышать,
Как называют имя проходимца
С их именами рядом!
Катул
Дерзкий, вон!
Катилина
Отцы, что ж вы молчите? Иль вы все
С ним заодно? Пусть так. Я удаляюсь.
(Внезапно поворачивается к Цицерону.)
Но ты, мой милый говорун...
Цицерон
Безумец,
Ужель ты покусишься на меня
И здесь?
Все
На помощь консулу!
Катилина
Отцы,
Ваш страх смешон. Я болтуна не трону,
Почетной смертью от моей руки
Ты не падешь, речистый честолюбец!
Катон
Вон из сената, негодяй, изменник!
Катилина
Не сделают все почести и званья,
Которыми сенат и чернь могли бы
Катона, раболепствуя,, осыпать,
Тебя достойным гнева Катилины.
Катон
Заткни свою чудовищную, глотку!
Катилина
Ты был бы мертв, будь ты его достоин.
Катон
Уймешься ли ты, выродок?
Катул
Убийца!
Квинт Цицерон
Покинь сенат, злодей, головорез!
Катилина
Отцы, я подчиняюсь, хоть меня
В изгнание, как в пропасть, вы толкнули.
Катон
Чудовище, да замолчишь ли ты?
Катилина
Но так как это из-за вас я стал...
Цицерон
Кем?
Катул
Тем, чем был всегда - врагом отчизны.
Катилина

Костер мне будет нужен погребальный...
Катон
Что он сказал?
Катилина
...такой, чтобы пожрало...
Катон
Ну, каркай, ворон!
Катилина
...пламя не один...
Катул
Выкладывай!
Катилина
...мой труп, но и весь город.
Я, раз уж мне погибнуть суждено,
Добьюсь, чтоб вы погибли заодно!
(Выбегает из храма.)
Красс
(тихо Цезарю)
Проиграна игра!
Цезарь
(тихо Крассу)
Да, если только
Он не успеет нанести удар
Быстрее, чем консул на вербует войско.
Цицерон
Отцы, что вам постановить угодно?
Катул
Угодно нам, чтоб наше государство
Не понесло ущерба...
Катон
И чтоб меры,
Как консулы, вы приняли к тому.
Красс
Давно пора.
Цезарь
О да.
Красс и Цезарь уходят.
Цицерон
Отцы, спасибо.
Но жду приказа я, как поступить
Мне с Курием и Фульвией?
Катул
Как хочешь.
Цицерон
Я им награду дам, но только позже,
Чтоб вновь они не изменили Риму.
Катон
Марк Туллий, мне сдается, Красс и Цезарь
Неискренни.
Цицерон

Все это стало б ясно,
Посмей мы их подвергнуть испытанью.

Катон

А разве есть на свете что-нибудь,
Чего сенат, не смеет?

Цицерон

Только то,

Что связано с опасностью бесцельной.
Не стоит разом многих змей дразнить.
Красс с Цезарем, быть может, и виновны,
Но чересчур сильны. Сражаясь с гидрой,
Должны рубить мы головы ей так,
Чтобы на месте старой двадцать новых
Не выросло.

Катон

Согласен я с тобой.

Цицерон

Следить за ними будут, но покуда
Они открыто к бунту не примкнули,
Не тронут их. Врагов я не намерен
Себе и государству создавать.
Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Катилины.

Входят Катилина, Лентул, Цетег, Курий, Габиний, Лонгин и Статилий.

Катилина

Мы просчитались. Этот хитрый кот
Поймал нас, как мышей.

Цетег

Эх, если б только

Ты дал мне волю, он бы не в сенате
Мяукал, а в своем горящем доме.

Ему бы я спалил усы!

Катилина

Пути

Назад нам нет, и медлить мы не можем.

Друзья, вы - римляне. Сверитесь с духом,

Как накануне ночью. Приготовьтесь

Осуществить наш план и не страшитесь

Ни риска, ни шпионов, ни трудов.

Отправлюсь к войску я, а вы здесь, в Риме,

Подыскивайте и вербуйте тайно

Союзников среди пригодных к бою

Людей всех состояний и сословий.

Я ж иль погибну, иль вручу вам власть.

Я скоро водружу на стенах Рима

Мои орлы. А вы держитесь твердо,

На консула натравливайте чернь

И, чтобы скрыть намерения наши,

Пустите слух, что изгнан я безвинно,

Что должен был в Массилию * уехать,
Что время правоту мою докажет,
Что не способен я поднять мятеж
И что важней мне мир в стране упрочить,
Чем оправдаться иль себя прославить.
Прощайте же, Лентул, Лонгин, и Курий,
И все друзья, и ты, мой добрый гений,
Цетег отважный. В день свиданья мы
Свободе жертву принесем.
Цетег
И мести.
Лентул
Фортуны зреньем наделите, Парки,*
Чтоб видела она, кого ведет,
И никогда его не покидала.
Курий
Ему ее поддержка не нужна:
Кто смел, тот сам своей судьбы хозяин.
Лонгин
Пускай с собой и нашу долю счастья
Он унесет.
Габиний и Статилий
(одновременно)
И пусть оно его
Оберегает.
Катилина
Я всем сердцем с вами.
(Уходит.)
Лентул
Друзья мои, теперь за нами слово.
Через Умбрена я вступил в сношенья
С посланцами аллоброгов, чье племя
Вконец разорено ростовщиками
И у сената римского управы
На них не раз искало, но напрасно.
Мне думается, что таких людей
Как по причине их нужды и бедствий,
Так в силу их воинственного нрава,
Стремленья к переменам и давнишней,
Закоренелой ненависти к Риму
Нетрудно будет в заговор вовлечь.
Важна для нас военная их помощь:
Они вблизи Италии живут
И край их изобилует конями,
Которых нам так сильно не хватает.
С послами я условился о встрече.
Они придут к Семпронии домой,
И я вас всех прошу туда явиться,
Чтоб укрепил ваш вид решимость их:
Кто смел, тот смелость будит и в других.

Габиний
Приду.
Стаилий
И я.
Курий
Я тоже.
Цетег
Ну, а мне
Позвольте чем-нибудь другим заняться:
Я не люблю всех этих совещаний.
Зато велите вырезать сенат
И я вам всех сенаторов прикончу
На первом заседании.
Лентул
Милый Кай,
Ты мог бы нам присутствием своим
Помочь.
Цетег
Нет, нет, я только все испорчу.
Уходят.
СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
Комната в доме Цицерона.
Входят Цицерон и Санга.
Цицерон
Рим за твои заботы, Фабий Санга,
Тебе воздаст. Аллоброги же эти,
Что вняли предложениям злодеев,
Должно быть, сами вряд ли лучше их.
Санга
Они, достойный консул, как послы
Жестоко угнетенного народа,
К тому же потерявшие надежду
На то, что наш сенат поможет им,
Готовы были выслушать любого,
Кто на свободу им хоть намекнет.
Но, поразмыслив и со мною встретясь,
Они увидели, что заблуждались,
И покориться Риму вновь хотят.
Цицерон
Ты говоришь, Умбрен их свел с Лентулом?
Кто он такой?
Санга
Старинный их знакомец,
Давно торговлю с Галлией ведущий.
Цицерон
Привел ли ты послов с собою?
Санга
Да.
Цицерон
Впусти их. Если эти люди честны,

Безмерна их заслуга перед Римом.
Санга уходит.
Вот он счастливый долгожданный случай
Измену обличить и доказать!
Хвала богам!
Санга возвращается с послами аллоброгов.
Почтенные послы,
Союзники испытанные римлян,
Привет! Мне сообщил Квинт Фабий Санга,
Патрон народа вашего, что вас
Лентул на днях склонял через Умбрена
Примкнуть - прошу, садитесь - к мятежу,
Который он с друзьями затевает.
Не допускаю я, чтоб те, кому
Есть что терять и кто в союзе с Римом,
Его врагами беспричинно стали,
Связав себя и свой народ с такими
Отпетыми людьми, как Катилина,
Отчаяньем толкаемый на бунт.
Не безрассудно ль выстроенный дом
Менять на призрачный воздушный замок
И жизнью рисковать посула ради?
Друзья, разжечь в два раза проще смуту,
Чем жертвами ее самим не пасть,
Начать войну легко, закончить трудно.
Сенат уж приказал, чтоб двинул войско
Мой сотоварищ против Катилины,
Который вместе с Менлием объявлен
Врагом отчизны. Часть их сил разбита
Метеллом Целером.* Возвещены
Прощенье - всем, кто лагерь их покинет,
Награда - всем, включая и рабов,
Кто донесет об их передвиженьях.
Здесь в городе я с помощью трибунов
И преторов расставил стражу так,
Что никому нельзя ступить и шагу,
Чтоб я об этом тотчас не узнал.
Поверьте мне, сенат с народом вместе
В величии своем накажут строго
И тех, кто поднял руку на отчизну,
И тех, кто умышляет на нее.
Итак, почтенные послы, все взвесив,
Решайте сами, с кем вам по пути.
Вы просите, чтобы сенат исправил
Вам причиненную несправедливость.
Я обещаю вам не только это
Все милости и выгоды, какими
Рим может отплатить за ту услугу,
Которую, моим советам вняв,
Аллоброги ему бы оказали.

Первый посол
Достойный консул, верь нам: мы - с тобой,
И хоть нас подбивали на злодейство,
Злодеями от этого не станем.
Нет, не настолько мы разорены
И не настолько разумом ослабли,
Чтоб предпочесть бредовые мечты
Исконной дружбе с Римом и сенатом.
Цицерон
Разумное и честное решение!
Я об одном прошу вас... Где назначил
Лентул свиданье с вами?
Первый посол
В доме Брута.
Цицерон
Не может быть! Ведь Деций Брут не в Риме.
Санга
Но здесь Семпрония, его жена.
Цицерон
Ты прав. Она - один из главарей.
Итак, не уклоняйтесь от свиданья
И постарайтесь все, что вам предложат,
Как можно одобрительней принять.
На похвалы и клятвы не скупитесь,
Республику браните и сенат
И обязуйтесь помогать восставшим
Советом и оружием. Я ведь вас
Предупредил о том, чего им надо.
Внушите им одно - что говорили
Вы с консулом уже о вашем деле,
Что предписал, ввиду волнений в Риме,
Он вам покинуть город дотемна
И что приказ вам выполнить придется,
Дабы на подозренье не попасть.
Затем, чтоб подтвердить те обещанья,
Которые передадите устно
Вы вашему сенату и народу,
Пускай смутьяны письма вам вручат,
Поскольку без последних головою
Вы якобы не смеее рискнуть.
Их получив, немедля уходите
И сообщите мне, какой дорогой
Покинете вы Рим, а я велю
Вас задержать и письма конфискую,
Так, чтоб никто ни в чем вас не винил,
Когда обличена измена будет.
Вот что вы сделаете.
Первый посол
Непременно.
Не терпится нам выполнить наказ,

И слов не станем тратить мы.
Цицерон
Идите
И осчастливьте Рим и свой народ.
Мне через Сангу вести шлите.
Первый посол
Понял.
Уходят.
СЦЕНА ПЯТАЯ
Комната в доме Брута.
Входят Семпрония и Лентул.
Семпрония
Когда ж придут послы? Я ждать устала.
Скажи, у них ученый вид?
Лентул
О нет.
Семпрония
А греческим они владеют?
Лентул
Что ты!
Семпрония
Ну, раз они не больше чем вельможи,
Не стоит мне их ожидать.
Лентул
Нет, стоит.
Изумлена ты будешь, госпожа,
Их сдержанностью, мужественной речью
И строгою осанкой.
Семпрония
Удивляюсь,
Зачем республики и государи
Боятся женщин назначать послами,
Хоть мы могли б служить им, как мужчины,
В том ремесле, какому дал название
Почетного шпионства Фукидид! *
Входит Цетег.
Пришли они?
Цетег
А я откуда знаю?..
Я что тебе - доносчик или сводник?
Лентул
Кай, успокойся. Дело ведь не в этом.
Цетег
Тогда зачем же путать баб в него?
Семпрония
Меж женщин есть не меньше заговорщиц,
Чем меж мужчин изменников, мой милый.
Цетег
Была бы ты права, будь я твой муж
И если б речь шла только о постели.

Но если я себя в иных делах
Дам паутиной клятв твоих опутать,
Я соглашусь в ней умереть, как муха,
Чтоб мной ты угостилась, паучиха.
Лентул
Ты чересчур суров, Цетег.
Цетег
А ты
Учтив не в меру. Я предпочитаю
Стать жалким изуродованным трупом,
Как дикий Ипполит,* чем полагаться
На женщин больше, чем на вольный ветер.
Семпрония
Нет, женщины, как вы, мужчины, тайну,
Коль есть она у вас, хранить умеют,
И слово их не менее весомо,
Чем ваше.
Цетег
Где уж, Калипсо * моя,
В словах и в весе мне с тобой тягаться!
Входит Лонгин.
Лонгин
Послы пришли.
Цетег
Благодарю, Меркурий,*
Ты выручил меня.
Входят Вольтурций, Статилий, Габиний и послы аллоброгов.
Лентул
Ну что, Вольтурций?
Вольтурций
Они желают говорить с тобой
Наедине.
Лентул
О, все идет, как было
Предсказано Сивиллой!
Габиний
Да, как будто.
Лентул отводит послов в сторону.
Семпрония
Ну, а со мной им говорить угодно?
Габиний
Нет, но принять участие в беседе
Ты можешь. Я им рассказал, кто ты.
Семпрония
Не нравится мне, что меня обходят.
Цетег
Чем будут нам аллоброги полезны?
Они ведь не похожи на людей,
Вселенную способных ввергнуть в ужас.
Любой из наших тысячи их стоит.

А нам нужны союзники, чей взгляд
Разлил бы бледный страх по лику неба,
Юпитера заставив задрожать
И молнию метнуть в них лишь затем,
Чтобы увидеть их неуязвимость
Иль если, сражены перуном все же,
Они повиснут, словно Капаней,*
На стенах высочайших вражьих башен,
Второю молнией их сбросить вниз.
Лентул, ты слишком долго говоришь.
За это время можно было б солнце,
Луну и звезды погасить, чтоб мир
Лишь мы огнем пожара озаряли.
Лентул
Вы слышали, каков смельчак? Такими
Людьми род человеческий и крепок.
Такие миром движут.
Семпрония
Как ни грубо
Он говорил со мною, признаю,
Что духом он - прямой и неподдельный
Потомок Марса.
Первый посол
Нет, он истый Марс.
За честь я счел бы с ним побыть подольше.
Лентул
Я вижу, вы спешите, чтобы консул
Не заподозрил вас. Хвалю за это.
Вы требовали писем - вот они.
Идемте. Мы печатями и клятвой
Скрепим их. Вы получите письмо
И к Катилине, чтобы он при встрече
Со всем доверием отнесся к вам.
Наш друг Вольтурций вас к нему проводит,
А вы скажите нашему вождю,
Что в Риме все готово, что уже
Речь Бестием написана, с которой
Он как трибун к народу обратится
И ловко за последствия войны
Ответственность на Цицерона свалит,
Что, как и вы, мы ждем его прихода,
Который всем свободу принесет.
Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Комната в доме Цицерона.
Входят Цицерон, Флакк и Помпиний.
Цицерон
Я за исход войны не опасаюсь
Ведь наше дело право, и к тому же
Оно в руках надежных. Мой товарищ

Серьезно болен - у него подагра.
 Он в бой войска вести не может сам
 И сдал Петрею, своему легату,
 Над ними власть. Тот опытней его,
 Поскольку вот уж скоро тридцать лет,
 Как в должностях трибуна * иль префекта,*
 Легата * или претора отчизне
 Так ревностно и так примерно служит,
 Что знает всех солдат по именам.
 Флакк
 С ним смело в бой они пойдут.
 Помтиний
 А он
 Им не уступит в смелости.
 Цицерон
 Противник
 У них такой, с каким быть нужно смелым:
 Отчаянье ему дает отвагу.
 Но верю я в умение и в удачу
 Петрея. Он - достойный сын отчизны.
 А в Галлию смутьянам * легионы
 Метелла Целера отрежут путь.
 Входит Фабий Санга.
 Что слышно, Фабий?
 Санга
 Двинулись послы.
 Скорее стражу шли на мост Мульвийский,*
 К которому направились они.
 Цицерон
 Флакк и Помтиний, вы туда ведите
 Своих людей. Схватите все посольство,
 Чтобы никто не ускользнул. Сдадутся
 Послы беспрекословно. Если ж нет,
 Я вам пришлю подмогу.
 Флакк и Помтиний уходят.
 А покуда
 К Статилию, Цепарию, Лентулу,
 Цетегу и Габинию и прочим
 Я разошлю гонцов и прикажу
 Их всех позвать ко мне поодиночке.
 Они не возымеют подозрений
 Не любит думать о расплате мот
 И явятся, а я их арестую.
 Санга
 Как поступить с Семпронией ты хочешь?
 Цицерон
 Не станет тратить гордый Рим свой гнев
 Ни на умалишенных, ни на женщин...
 Не знаю, что во мне сильнее - радость
 По случаю раскрытия измены

Иль скорбь при мысли о вражде, которой
Так много знатных и больших людей
Отплатят мне за это. Будь что будет.
Я выполню свой долг и никогда
Не поступлюсь тобою, добродетель.
Пусть навлеку я на себя беду,
Но с совестью на сделку не пойду.
Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Мульвийский мост. Входят Флакк и Помтиний со стражей; им навстречу Вольтурций с
посольством

аллоброгов

Флакк

Стой! Кто такие вы?

Первый посол

Друзья сената,

Послы аллоброгов.

Помтиний

Коль так, сдавайтесь.

От имени сената и народа

Мы, преторы, берем под стражу вас

По обвинению в измене Риму.

Вольтурций

Друзья, умрем, но не сдадимся.

Флакк

Что?

Кто этот дерзкий? Взять их всех!

Первый посол

Сдаемся.

Помтиний

Кто там противится? Убить его.

Вольтурций

Постойте, я сдаюсь, но на условии...

Флакк

С изменниками - никаких условий!

Убить его!

Вольтурций

Меня зовут Вольтурций.

Помтиния я знаю.

Помтиний

Но тебя

Он не желает знать, раз ты изменник.

Вольтурций

Я сдамся, если жизнь мне сохранят.

Помтиний

Не обещаем, если ты виновен.

Вольтурций

По крайней мере, сделайте, что можно.

Я менее преступен, чем другие,

Чьи имена я назову властям,

Коль пощадят меня.
Помтиний
Одно мы можем
Сдать консулу тебя. Схватить его.
Хвала бессмертным - Рим спасен! Идемте.
Уходят.
Появляется хор.
Хор
Ужели слух наш раньше зренья
Как в час ночной,
Нам скажет, кто несет спасенье
Стране родной,
И солнце правды перед нами
Рассеет мрак,
И сможем мы увидеть сами,
Кто друг, кто враг?
Как странен человек! Не знает
Он ничего,
Но все, что ново, нагоняет
Страх на него.
Тех мы возносим, этих губим,
Хоть нам самим
И непонятно, что мы любим,
Чего бежим.
Со злом бороться колебанья
Нам не дают,
И вечно сводит опозданье
На нет наш труд.
Сколь многое нам ясно ныне,
Хоть в день, когда
Пришлось покинуть Катилине
Рим навсегда,
Мы полагали возмущенно,
Что честен он,
Что поступает беззаконно
С ним Цицерон.
Теперь, когда он бунт затеял,
Клянем опять
Мы консула, зачем злодею
Он дал бежать.
Мы судим обо всем предвзято,
И наш язык
Во всех несчастьях магистрата
Винить привык.
Затем ли ставим у кормила
Мы рулевых,
Чтоб легкомысленно чернила
Команда их
И объясняла лишь расчетом
Поступки тех,

Кто посвятил себя заботам
О благе всех?
Пора народу научиться
Заслуги чтить
И вечно помнить, а не тщиться
Их умалить.
Не то он поздно или рано
Придет к тому,
Что станет горд бичом тирана
И рад ярму.
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ
Этрурия. Местность близ Фезул.
Входит Петрей с войском.
Петрей
О воины, я счастлив, что сегодня
Веду вас в битву, ибо по болезни
Мне сдал начальство наш достойный консул.
Как я горжусь тем делом, за какое
Иду сражаться! Нынче мы должны
Не укрепить, расширить и раздвинуть
Пределы власти Рима и сената,
Но оградить все то, что наши деды
Ценой упорства, крови и труда
В течение веков для нас стяжали.
Сегодня войско римского народа
Выходит в поле не добычи ради,
Не для защиты государств союзных,
Но для того, чтоб отстоять в бою
Республику, богов бессмертных храмы,
Алтарь домашний и очаг семейный,
Жизнь сердцу дорогих детей и жен,
Могилы предков, вольность и законность,
Короче, чтоб отечество спасти
От тех, кто запятнал себя злодейством,
Развратом, безрассудством, мотовством.
Во-первых, это ветераны Суллы,
Кому близ Фезул земли роздал он.
Они, разбогатеv в годину смуты,
Давно все, что имели, расточили
И потому теперь от Катилины
Ждут новых конфискаций и проскрипций.
Считается, что эти люди смелы,
Но страх они вам не должны внушать:
Былая доблесть в них давно угасла,
А если и жива, они сравнятся
Ни духом, ни числом не могут с вами.
Затем идут все те, кто не на граждан,
А на зверей разнузданных похож;
Кто, промотав свое, чужого алчет;

Кто от вина размяк, от яств распух,
Ослаб от еженощного распутства;
Кто Катилину в Риме окружал;
Кто с ним не захотел и здесь расстаться;
Кто - в том ручаюсь - молодость свою
Не закалял в трудах военной службы,
Оружием владеть не обучался,
Верхом не ездил и в палатках не жил;
Кто сведущ лишь в разврате, танцах, пенье,
Азартных играх, пьянстве и еде;
Кто на словах опасней, чем на деле.
И, наконец, там собрались подонки
Мошенники, наемные убийцы,
Прелюбодеи, воры, шулера,
Короче, грязь, которую туда
Клоаки всей Италии извергли,
Чтоб этих закоснелых негодяев
Одним ударом покарали мы.
Ужель перед лицом таких врагов
Не схватимся мы гневно за оружие
И эту нечисть не сотрем во прах,
Чтоб кровь злодеев испарилась в воздух
И выпала затем росой в пустынях,
Где бродят лишь чудовища, которых
Рождает солнцем разогретый ил? *
Когда же день победа увенчает,
Любой из нас, кому придется пасть
(Затем что между нами есть, счастливыцы,
Чей жребий - жизнь за родину отдать
И чьих имен потомство не забудет),
В обители блаженных вознесется,
Чтобы взирать оттуда, как в аду
Мятежники, тенями став, томятся
И бродит бледный призрак Катилины.
Я все сказал. Пускай орлы взметнутся.*
Смелей вперед! Бессмертные за Рим!
Все
За нас отец наш Марс и сам Юпитер!
Уходят.
СЦЕНА ВТОРАЯ
Рим. Улица около храма Согласия.
Входят Цезарь и Красс.
Цезарь
Со времени отъезда Катилины
Лентул меня тревожит.
Красс
На обоих
Давно рукой махнул я.
Цезарь
Для чего

Вручить ты хочешь консулу их письма,
В которых шлют они тебе совет
Покинуть спешно Рим?

Красс

А вдруг сам консул
Велел подбросить мне посланья эти?
Я должен все возможности предвидеть,
Чтоб оградить себя.

Цезарь

Такая мера

Мне кажется не лишней. Я и сам
Ему донес о некоторых тайнах
Из тех, какие без меня он знал.

Красс

Чтоб вихрь, корабль республики кренящий;
С ног нас не сбил, найти опору нужно.
Примкнем к тому, кто верх берет.

Цезарь

И будем

Служить ему усердней, чем Катон.
Но все ж я попытаюсь хоть для вида
Вступиться за бунтовщиков.

Красс

Напрасно.

Зачем спасать того, кто побежден?

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Цицерона.

Входят Цицерон, Квинт Цицерон и Катон.

Цицерон

Брат Квинт, я никогда не соглашусь
В угоду чьей-то личной неприязни
На жизнь согражданина покуситься.
Коль мне докажут, что преступен Цезарь,
Его предам суду я, - но не раньше.
Пусть помнят Квинт Катул и Кай Пизон,*
Что консул обвинять не станет ложно
Людей за то, что им они враги.

Квинт Цицерон

Не ложно, а ссылаясь на признанья,
Которые аллоброги, а также
Вольтурций могут сделать.

Цицерон

Нет, не стану

Я домогаться этого и если
Узнаю, что другие домогались,
То и тебя не пощажу, мой брат.

Катон

Мой добрый Марк, ты так велик душой,
Как если бы с богами вместе вырос!

Цицерон
Вели схватить Лентула и всех прочих,
Хоть горько мне отдать такой приказ.
Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Храм Согласия. Входят ликторы, Цицерон, держащий в руках письма, Катон, Квинт Цицерон,

Цезарь, Красс, Силан и сенаторы.

Цицерон
Пусть с Римом и сенатом неизменно
Пребудет счастье! Вас, отцы, прошу я
Вскрыть эти письма и самим решить,
Имел ли право я поднять тревогу
И не должны ль за рвение мое
Меня вы порицать.

Входят преторы Помпиний и Флакк.

А где оружие,
Что в доме у Цетега вы изъяли?

Преторы
(одновременно)
Лежит за дверью храма.

Цицерон
Приготовьтесь
Внести его, как только вам прикажут
Вольтурция ввести, и не давайте
Задержанным друг с другом говорить.
Преторы уходят.

Что вы прочли, отцы? Достойно ль это
Хотя б вниманья, если уж не страха?

Цезарь
Я в ужасе!

Красс
Я потрясен!

Катон
Читайте.

Силан
Как носит этих извергов земля!

Цицерон
Хотя невероятность их злодейств
Сомненья часто в вас, отцы, вселяла,
Я с той поры как Катилину выгнал
(Не страшно больше мне, что это слово
Кого-нибудь обидеть может, ибо
В ответе я за вещи пострашней
За то, что он живым ушел из Рима,
А те, кто должен был, как мне казалось,
С ним вместе удалиться, не ушли),
Все дни и ночи тратить стал на то,
Чтоб разгадать намеренья безумцев
И чтобы - раз вы мне не доверяли

Дать случай у возможность вам увидеть
 Воочью доказательства измены
 И этим вас заставить защищаться.
 Так и случилось. Вот печати их,
 Вот почерк. Все они под стражу взяты.
 Хвала богам бессмертным! Эй, ввести
 Аллоброгов с Вольтурцием сюда.
 Возвращаются преторы, вводя Вольтурция и аллоброгских послов.
 Вот те, кому они вручили письма.
 Вольтурций
 Отцы, клянусь, я ничего не знаю.
 Я ехал в Галлию... Я сожалею...
 Цицерон
 Вольтурций, не дрожи. Во всем сознайся,
 И - слово консула даю - ты будешь
 Прощен сенатом.
 Вольтурций
 Да, я знаю все,
 Но в заговор был втянут лишь недавно.
 Цезарь
 Не бойся ничего и говори.
 Ведь консул и сенат тебе сказали,
 Что будешь ты помилован.
 Вольтурций
 (запинаясь от страха)
 Я послан
 Был с письмами Лентулом к Катилине,
 И на словах мне передать велели,
 Чтоб он ничьей - будь то рабы иль слуги
 Подмогой не гнушался, чтоб войска
 Вел поскорей на Рим, где все готово,
 И все пути из города закрыл
 Тем, кто спастись будет от пожара.
 Все это и аллоброги слыхали.
 Первый посол
 Отцы, он не солгал. Нам дали письма
 И поклялись, что вольность нам вернут,
 Коль мы снабдим мятежников конями.
 Стража вносит оружие.
 Цицерон
 Вот вам, отцы, другое подтверждение
 Оружие Цетега.
 Красс
 Неужели
 Все это он один хранил?
 Цицерон
 Здесь нет
 И сотой доли найденного нами.
 Ввести злодея. Осмотрев оружие,
 Теперь на оружейника посмотрим.

Стража вводит Цетега.
Ну, милый мой храбрец, с какою целью
Всем этим ты запасся?
Цетег
Если б ты
В дни Суллы задал мне вопрос подобный,
Я бы ответил: чтобы резать глотки.
Сейчас скажу не так: чтоб развлекаться.
Приятно мне взглянуть на добрый меч,
Рукой клинок отточенный потрогать,
Шлем или панцирь на чурбан надеть
И проломить их сталь одним ударом.
Цицерон
Узнал ты эти письма? Вот на чем
Ты голову сломил. Чей это почерк?
Цетег выхватывает письма у Цицерона и рвет их.
Схватить его и письма отобрать!
Изменник разум потерял от страха.
Цетег
Не помню я ни как, ни что писал.
Дурак Лентул продиктовал мне что-то,
Под чем я, как дурак, поставил подпись.
Цицерон
Пускай войдут Статилий и Лентул
И опознают почерк.
Стража вводит Статилия и Публия Лентула.
Дать им письма.
Статилий
Я сознаюсь во всем.
Цицерон
Скажи нам, Публий,
Чья на письме печать стоит?
Лентул
Моя.
Цицерон
А кто изображен на ней?
Лентул
Мой дед.
Цицерон
Он был достойным, честным человеком,
Любил сограждан и служил отчизне.
Зачем же внука он, немой свидетель,
Не отвратил от мыслей, гнусных, как...
Лентул
Как что, речистый Цицерон?
Цицерон
Как ты,
Затем что в мире нет гнуснее твари.
Взгляни сюда.
(Указывает на аллоброгских послов.)

Ужели эти лица
Твоей вины, наглец, не подтверждают?
Лентул
Кто эти люди? Я не знаю их.
Первый посол
Нет, Публий, знаешь. Мы с тобой встречались
У Брута в доме.
Вольтурций
Под вечер вчера.
Лентул
Вот новости! Да кто вас звал туда?
Первый посол
Ты сам. Нам дали при свиданье письма
Сталий, ты, Цетег, Габиний Цимбр
И прочие за вычетом Лонгина,
Который отказался написать,
Затем что собирался вслед за нами
В страну аллоброгов явиться лично
И получить обещанных коней.
Цицерон
Он, как мне доложили, к Катилине
Успел бежать.
Лентул
Предатели! Шпионы!
Первый посол
Мы слышали о том, что власть над Римом,
Согласно предсказанию Сивиллы,
Ты, третий из Корнелиев, захватишь
Теперь, когда пошел двадцатый год
С тех пор, как загорелся Капитолий.
Потом ты стал расхваливать Цетега
И хвастаться решительностью вашей.
Цетег
Вот каковы, Лентул, наш вождь верховный,
Послы, которых ты превозносил!
Катон
Цетег, умолкни! Ты не в меру дерзок.
Первый посол
Габинием при нас упоминались
Автроний, Сервий Сулла, Варгунтей
И многие другие.
Вольтурций
К Катилине
Ты дал мне и письмо, и порученье,
Которое сенату слово в слово
Я изложил, надеясь на пощаду.
Я не своею волей к вам примкнул.
Меня заставил Цимбр.
Цицерон
Молчи, Вольтурций!

Лентул, что ты на это все ответишь?
Сознаешься иль нет? Что ж ты умолк?
Или улики так неоспоримы,
Что, несмотря на все твое бесстыдство,
Дар речи ты от страха потерял?
Убрать его. - Остался лишь Габиний,
Всех преступлений мастер.
Стража вводит Габиния Цимбра.
Покажите
Ему письмо. Ты знаешь эту руку?
Габиний
Не знаю.
Цицерон
Нет?
Габиний
И не желаю знать.
Катон
Тебе письмо бы надо в глотку вбить!
Будь консул я, ты б у меня, бесстыдник,
Сожрал бы то, что изблевать посмел.
Габиний
А где ж законность?
Катон
Что? Взывать к закону
Дерзаешь ты, поправший все законы
Природы, Рима, совести и веры?
Габиний
Да, я дерзаю.
Катон
Нет, преступный Цимбр,
К благим установлениям злодею
Взывать не подобает.
Габиний
А Катону
Не подобает нарушать закон.
Красс
Убрать его. Хоть он и не сознался,
Доказано злодейство.
Габиний
Подождите.
Я сознаюсь во всем. Шпионы ваши
Не лгали вам.
Цетег
Вознаградите их
За то, что вы избавлены от страха,
И позаботьтесь, чтобы не пришлось
Им гнить на смрадном кладбище для бедных,
Чего вы сами чудом избежали,
Иль нищенствовать на мостах,* чьи арки
Усердье их от гибели спасло.

Цицерон

Отцы, смотрите, что это за люди!
Они уличены в таком злодействе
Такою тучею улик - и все же
Упорны, дерзки, наглы, как и раньше.
А что б они творили, победив!
Я думал, изгоняя Катилину,
Что больше не опасны государству
И консулу Лонгин, оплывший жиром,
Лентяй Лентул и бешеный Цетег.
Меня пугал (и то лишь до тех пор
Пока он в Риме) только Каталина,
Десница, мозг и сердце заговора.
Ошибся я. К кому они прибегли?
К аллоброгам, врагам старинным нашим.
Единственному племени, какое
Еще не примирилось с властью Рима
И с ним готово завязать войну.
Однако галлов праведные боги
Наставили на верную дорогу,
И старший из послов, заботясь больше
О Риме, чем о племени своем,
Отверг посулы главаря смутьянов,
Того, кто стать мечтал владыкой Рима,
Хоть благородный дед его в сражение
С мятежными приверженцами Гракха
Был тяжко ранен, защищая то,
Что внук разрушить хочет; кто пытался
Привлечь к себе воров, убийц, рабов;
Кто весь сенат обрек мечу Цетега,
А прочих граждан отдал в жертву Цимбру;
Кто приказал Лонгину Рим поджечь
И войско кровопийцы Катилины
Италию призвал опустошить.
Отцы, хотя б на миг себе представьте
Наш древний, славный и великий город,
Охваченный пожаром! Нарисуйте
Себе страну, покрытую горами
Непогребенных трупов наших граждан;
Лентула, севшего на римский трон;
Его людей в пурпурных ваших тогах;
Ворвавшегося в город Катилину;
Насилюемых дев, детей дрожащих;
Стон тех, кто жив, и хрип предсмертный жертв,
Чья кровь багряным током орошает
Горячий пепел зданий городских!
Вот зрелище, которое злодеи
Готовили, чтобы себя потешить.
Цетег
Да, консул, пьеса не была бы скучной,

Но роль твоя была бы покороче,
Чем та, какую ты сейчас сыграл:
Не кончился б еще и первый выход,
Как меч в твоей сладкоречивой глотке
Уже торчал бы.

Катон
Выродок бесстыдный!

Цицерон
Отцы, угодно ль вам подвергнуть их
Домашнему аресту на поруках,*
Пока сенат не вынесет решения?
Все
Да, да.

Цицерон
Итак, пусть охраняет Красс
Габиния, Цетег - Корнифиций,
Стаилия - Кай Цезарь, а Лентула
Эдилом * избранный Лентул Спинтер.

Катон
Пусть преторы задержанных доставят
В дома к их поручителям.

Цицерон
Согласен.
Всех увести.

Цезарь
Нет, пусть Лентул сперва
Сан претора с себя публично сложит.*

Лентул
Сенат свидетель, я его слагаю.
Преторы и стража уводят Лентула, Цетег, Стаилия и Габиния.

Цезарь
Теперь обычай древний соблюден.

Катон
Похвально, что о нем ты вспомнил, Цезарь.

Цицерон
Как мы должны аллоброгам воздать
За помощь при раскрыть заговора?

Красс
Мы все их просьбы удовлетворим.

Цезарь
За счет казны им выдадим награды.

Катон
И честными людьми их назовем.

Цицерон
А что получит Тит Вольтурций?

Цезарь
Жизнь.

Вольтурций
Я не желаю большего.

Катон

И деньги,
Чтоб от нужды он вновь не стал злодеем.
Силан
Пускай за службу благодарность Санге
И преторам Помпидию и Флакку
Сенат объявит.
Красс
Это справедливо.
Катон
Чего же будет удостоен консул,
Чья доблесть, проникательность и ум
Без крови, казней, применения силы
Спасли от верной гибели отчизну
И вырвали нас из когтей судьбы?
Красс
Ему обязаны мы нашей жизнью.
Цезарь
И жизнью наших жен, детей, отцов.
Силан
Он спас отчизну твердостью своею.
Катон
Сенат дарует Цицерону званье
Отца отчизны и венок дубовый.*
Цезарь
И назначает этим же решением
Молебствие бессмертным в честь его...
Красс
Кто - так мы это и в анналы впишем
Сумел своим рачением избавить
Рим от огня, от избиенья граждан
И от меча изменников сенат.
Цицерон
Отцы, как незначителен мой труд
В сравнении с невиданным почетом,
Какого я, единственный из граждан,
Одетых в тогу,* нынче удостоен
В столь многочисленном заседании вашем.*
Но мне всего отрадней знать, что вам
Не угрожает более опасность.
Раз этот день спасенья от нее
Для нас стал знаменательней отныне,
Чем день, когда на свет мы родились,
Затем что, спасшись, радуются люди
И ничего не чувствуют, рождаясь,
Пусть он навек для нас и для потомства
Пребудет столь же славным, как и день,
Когда был город Ромулом заложен,
Спасти ведь так же трудно, как создать.
Цезарь
Да будет так.

Красс
Внесем в анналы это.
За сценой шум.
Цицерон
Что там за шум?
Флакк возвращается.
Флакк
Из Рима к Катилине
Тарквиний некий ехал. Он задержан
И говорит, что послан Марком Крассом,
Причастным к заговору.
Цицерон
Это лжец.
В тюрьму его!
Красс
Нет, не в тюрьму - сюда.
Я на него хочу взглянуть.
Цицерон
Не стоит.
На хлеб и воду посадить его,
Пока не скажет он, чьим наущеньям
Поддался, дерзко очернив такого
Известнейшего в Риме гражданина,
Как Красс.
Красс
(в сторону)
Боюсь, что скажет он - твоим.
Силан
(Кроссу)
Злодеи, чтоб снискать к себе доверье,
Его могли уговорить назвать
Тебя или других из нас.
Цицерон
Я знаю
Поскольку сам вел следствие, - что Красс
Невинен, честен и отчизне предан.
Флакк
У нас есть и на Цезаря донос.
Его нам подал некий Луций Вектий,
А Курий подтвердил.
Цицерон
Порвать его.
Сенату он доверья не внушает.
Цезарь
И мне ловушку расставляют!
Цицерон
Кто-то
Тебе вредит из личной неприязни.
Я Курию сказал, что это ложь.
Цезарь

Не тот ли это твой осведомитель,
Кому, равно как Фульвии, недавно
Ты упросил сенат награду дать?

Цицерон

Да.

Цезарь

А скажи, он получил ее?

Цицерон

Покуда нет. Ты не волнуйся, Цезарь:
Никто в твою виновность не поверит.

Цезарь

Да - если не получит он награды.

А если он получит, я и сам

Поверю, что виновен пред сенатом,
Платящим тем, кто на меня доносит.

Цицерон

Все будет сделано, как ты захочешь,
Достойный Цезарь.

Цезарь

Консул, я молчу.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Местность близ Фезул.

Входит Катилина с войском.

Катилина

Солдаты, мне по опыту известно,
Что мужества не прибавляют речи
И что не властен ими полководец
Остановить бегущих. Мы в бою
Отваги проявить не можем больше,
Чем нам дано с рожденья иль привито.
Слова бессильны там, где жажда славы
На битву не воспламеняет дух:
В чьем сердце страх, тот к увещаньям глух.
Но я собрал вас все-таки, друзья,
Чтоб кое о каких вещах напомнить
И вам свое решение изложить.
Вы знаете не хуже, чем я сам,
Ход наших дел. Вы все уже слышали,
Как навредил себе и нам Лентул
Беспечностью своей и малодушьем,
Из-за чего в те дни, пока мы ждали,
Что нам из Рима он помочь сумеет,
От Галлии отрезал Целер нас.
Два войска с двух сторон нас обложили: *
Одно нам закрывает путь на Рим,
Другое - в Галлию. А здесь остаться,
Как этого бы ни хотелось нам,
Нужда в съестных припасах не позволит.
Итак, куда мы ни решим идти,

Дорогу силой пробивать придется.
Поэтому я заклинаю вас
Быть смелыми и твердыми в сраженье.
Соратники, вы держите в руках
Все то, чего искали - славу, вольность,
Утраченную родину и счастье,
Которое оружием нужно взять.
Коль одолеем мы, все будет нашим.
Получим мы припасы и людей,
И перед нашим войском распахнутся
Ворота муниципий * и колоний.*
А если нет - все будет против нас,
И не найдут ни у кого защиты
Те, кто себя мечом не защитил.
Могли б вы жить в изгнании, иль в рабстве,
Иль в Риме на подачки богачей,
Но этот жребий вы сочли позорным
И храбро предпочли примкнуть ко мне,
Затем что только тот, кто побеждает,
Вместо войны приобретает мир.
Поверьте, мы противника сильнее
Он бьется за других, мы за себя;
И помните, лишь трус свою судьбу
В бою ногам, а не мечу вверяет.
Мне кажется, над вашей головой
Я вижу и богов, и смерть, и Фурий,
Которые нетерпеливо ждут
Исхода столь великого события.
Мечь наголо! И если нам сегодня
Изменит, несмотря на доблесть, счастье,
Врагу продайте жизнь свою такую
Кровавою ценой, чтоб, нас губя,
Сама судьба дрожала за себя.
Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Рим. Храм Юпитера Статора. Входят ликторы, преторы Помпиний и Флакк, Цицерон, Силан, Цезарь, Катон,

Красс и сенаторы.

Первый сенатор

Зачем сенат был созван так поспешно?

Второй сенатор

Сейчас узнаем - преторы расскажут.

Помпиний

Почтенные отцы, вам надлежит

Решить, что с заговорщиками делать

И как предотвратить бунт их рабов,

Вольноотпущенников и клиентов.

Один из слуг распутного Лентула,

По улицам шатаясь, подкупает

Ремесленников и торговцев бедных.

Цетег же домочадцам, людям смелым,
Которые к тому ж сильны числом,
Велел оружие взять и попытаться
Его освободить. И если мер
Не примете вы, бунт начаться может,
Хоть сделали мы все, что в наших силах,
Чтоб помешать ему. Теперь вы сами
Подумайте, как защитить себя.

Цицерон
Отцы, что вам постановить угодно?
Силан, как консул будущего года,
Скажи нам первый мнение свое.*

Силан
Я буду краток. Раз они пытались
Наш славный Рим стереть с лица земли
И власть его сломить его ж оружием,
Их смерти надлежит предать; и если б
Своим дыханьем мог я убивать,
Они б ни одного мгновенья дольше
Не отравляли воздух над страной.

Первый сенатор
Согласен я.

Второй сенатор
И я.

Третий сенатор
И я.

Четвертый сенатор
Я тоже.

Цицерон
А что, Кай Цезарь, скажешь ты?

Цезарь
Отцы.
Нельзя нам поддаваться, вынося
Суждение о делах больших и сложных,
Вражде и жалости, любви и гневу.
Дух постигает истину с трудом
Там, где ее затмили эти чувства.
Поэтому напоминаю вам
Для блага всем нам дорогого Рима,
Что не должны достоинство свое
Вы в жертву приносить негодованью,
В вас вызванному шайкою Лентула,
Равно как и своею доброй славой
Пристрастиям в угоду поступаться.
Да, если можно кару изобрести,
Которая равнялась бы злодейству,
Ее готов одобрить я. Но если
Его невероятность превосходит
Все, что измыслить в силах человек,
Мы вправе, как мне кажется, прибегнуть

Лишь к мерам, предусмотренным законом.
Когда приводит маленьких людей
Минутная запальчивость к ошибке,
То этого никто не замечает:
Ведь их известность их судьбе равна.
Проступки ж тех, кто на вершине власти
И, значит, на виду у всех живет,
Немедленно огласку получают.
Чем выше положение человека,
Тем меньше у него свободы действий.
Ему нельзя лицеприятным быть,
Раз то, что назовут в простолюдине
Простым порывом гнева, в нем сочтут
Жестокосердьем и высокомерьем.
Я знаю, что оратор предыдущий
Отважен, справедлив и предан Риму
И что такие люди, как Силан,
Умеют подавлять свои пристрастия.
Но нахожу я хоть и не жестоким
(Какую меру можно счесть жестокой
Перед лицом подобных преступлений?),
Однако совершенно чуждым духу
Законов наших мнение его.
Они предписывают римских граждан
Катать не смертной казнью, но изгнанием.
Так почему ж ее он предложил?
Конечно, не из страха, ибо консул
Своим усердием устранил опасность.
Быть может, для острастки? Но ведь смерть
Конец всех наших бед и доставляет
Нам больше облегчения, чем горя.
Итак, считаю я ненужной казнь.
Однако, - скажут мне, - на волю выйдя,
Они усилят войско Катилины.
Во избежание этого, отцы,
Я предлагаю вам их достояние
Конфисковать в казну, а их самих
Держать вдали от Рима в заключение,
По муниципиям распределив
Без права и возможности сноситься
С собранием народным и сенатом,
И всех оповестить, что муниципий,
Нарушивший указанный запрет,
Объявим мы врагом отчизны нашей.
Все
Разумное, достойное решение!
Цицерон
Отцы, читаю я на ваших лицах,
Повернутых ко мне, вопрос безмолвный:
К какому предложению я склонюсь.

Суровы оба. Оба соразмерны
И важности решаемого дела,
И благородству тех, кем внесены.
Силан стоит за казнь, которой вправе
Отчизна предавать преступных граждан,
Как это и бывало в старину.
А Цезарь предлагает нам виновных
Обречь пожизненному заключенью.
Затем что эта кара горше смерти.
Решайте, как хотите. Консул ваш
Все, что для Рима благом вы сочтете,
Поддерживать и защищать готов.
Он встретит грудью, чуждой колебаньям,
Любой удар судьбы, пусть даже смерть:
Ведь не умрет позорно тот, кто храбр.
Рыдая - тот, кто мудр, и слишком рано
Тот, кто успел сан консула снискать.
Силан
Отцы, я предложил вам то, что мне
Казалось для отечества полезным.
Катон
Тебе, Силан, оправдываться не в чем.
Цицерон
Катон, ты просишь слова?
Катон
Да, прошу.
Вы слишком долго спорите о том,
Как наказать злодеев, от которых
Без промедленья нужно оградиться.
Их преступленье - не из тех, какие
Караются лишь после совершенья:
Коль совершиться мы ему дадим,
То покарать его уже не сможем.
Достойный Цезарь здесь с большим искусством
О жизни и о смерти рассуждал.
Мне кажется, что он считает басней
Все, что известно нам о преисподней,
Где добрые отделены от злых,
Которых мучат Фурии в местах
Бесплодных, отвратительных и страшных.
Поэтому злодеев содержать
Он хочет в муниципиях под стражей,
Боясь, что в Риме их спасут друзья,
Как будто те, кто к этому способен,
Сосредоточены в одной столице,
А не по всей Италии живут;
Как будто дерзость не смелеет там,
Где ей сопротивление слабеет.
Коль верит он, что налицо опасность,
Совет его нелеп, а коль не верит

И страху чужд в отличие от всех,
То нам самим его страшиться нужно.
Отцы, я буду прям. На ваших лицах
Написано стремление возложить
Все упования ваши на бессмертных,
Хоть помощь их стяжают не обетом
Или плаксивой женскою молитвой,
Но мужеством и быстротой в решеньях.
Тому, кто смел, им стыдно отказать;
Зато им ненавистны лень и трусость.
А вы боитесь наказать врагов,
Которых в доме собственном схватили!
Что ж, пощадите их и отпустите,
Оружье им вернув, чтоб ваша мягкость
И жалость обернулись против вас!
О, все они - недюжинные люди
И согрешили лишь из честолюбья!
Давайте ж пощадим их и простим!
Да, если бы они щадили сами
Себя иль имя доброе свое,
Людей или богов, и я бы тоже
Их пощадил. Но в нашем положении
Простить их - значит провиниться хуже,
Чем те, кого вы судите сейчас.
Вы были б вправе совершить ошибку,
Когда б у вас в запасе было время,
Чтобы ее исправить, заплатив
За промах запоздалым сожаленьем.
Но мы должны спешить. И потому,
Коль вы хотите жизнь отчизны нашей
Продлить еще хотя б на день один,
Я требую, чтоб ни минуты жизни
Вы не дали злодеям. Я сказал.
Все
Ты нас, Катон, наставил, как оракул.
Красс
Пусть будет так, как он решил.
Сенаторы
(отдельные голоса)
Мы были
Не в меру боязливы.
Силан
Если б не был
Он доблестен, мы б в трусов превратились.
Сенаторы
(отдельные голоса)
Достойный консул, действуй. Мы - с тобой.
Цезарь
Отцы, я при своем остался мненье.
Катон

Умолкни.
Входит гонец с письмом.
Что там?
Первый сенатор
Цезарю письмо.
Катон
Откуда? Пусть его прочтут сенату.
Оно от заговорщиков, отцы.
Во имя Рима вскрыть его велите.
(Хватает письмо.)
Цезарь
(тихо Катону)
Прочти его, но про себя. Ведь это
Любовное письмо твоей сестры.
Хоть ненавидишь ты меня, не нужно
Ее позорить.
Катон
(бросая письмо Цезарю)
На, держи, распутник!
Смелее действуй, консул!
Цезарь
Цицерону
Об этом дне придется пожалеть.
Преторы
(одновременно)
Нет, раньше Цезарю!
(Кидаются на Цезаря.)
Цицерон
Друзья, назад!
Преторы
(одновременно)
Он Риму враг!
Цицерон
Не прибегайте к силе.
Оставьте Цезаря. Итак, начнем.
Все встают.
Где палачи? Пусть будут наготове.
Вы, преторы, пошлите за Лентулом
К Спинтеру в дом.
Стража вводит Лентула.
Преступника ведите
К зловеющим мстителям за Рим. Пусть будет
Он предан смерти через удушение.
Лентул
Ты, консул, мудро поступил. Не брось
За нас фортуна так неловко кости,
Ты б услышал такой же приговор.
Стража уводит Лентула.
Цицерон
Из дома Корнифиция доставьте

Сюда Цетега.
Стража вводит Цетега.
Пусть он будет предан
Заслуженной им смерти. Объявите,
Что умер он, как жил.
Цетег
Как пес, как раб.
Пусть жалких трусов люди называют
Отныне только именем Цетега,
Который, слыша речь твою, червяк,
Тебя не раздавил.
Цицерон
Ты зря бранишься:
Бесстрастно правосудье. Взять его.
Цетег
Фортуна - потаскуха, Парки - шлюхи,
Удавкою губящие того,
Кто от меча мог пасть! Ну что ж, душите,
И я усну, бессмертных проклиная.
Стража уводит Цетега.
Цицерон
Пошлите за Статилием и Цимбром.
Стража вводит Статилия и Габиния Цимбра.
Возьмите их, и пусть простятся с жизнью
Они в руках холодных палача.
Габиний
Благодарю. Я рад, что умираю.
Статилий
И я.
Стража уводит Габиния и Статилия.
Катон
Марк Туллий, вправе ты сказать,
Что консулом на счастье Риму избран,
Отец отечества! К народу выйди,
Чтоб старцы, до того как умереть,
Могли тебя прижать к своей груди,
Матроны - путь твой забросать цветами,
А юноши - лицо твое запомнить
И в старости рассказывать внучатам
О том, каков ты был в тот день, который
Анналы наши...
Входит Петрей.
Кто это? Петрей!
Цицерон
Привет тебе, прославленный воитель!
Что ты нам скажешь? О, с таким лицом
Несчастье не предвещают Риму.
Как чувствует себя достойный консул,
Мой сотоварищ?
Петрей

Он здоров настолько,
Насколько можно быть после победы.
Отцы, он посылает вам привет
И поручает мне вас опечалить
Отчетом скорбным о войне гражданской,
Затем что брать нерадостно в ней верх.
Цицерон
Не перейти ль сенату в храм Согласья?
Катон
Нет, пусть все уши здесь, счастливый консул,
Рассказом наслаются. Если б голос
Петрея мог до полюсов дойти
И через центр земли до антиподов,
То и тогда б он нас не утомил.
Петрей
Ввиду нужды в припасах Катилина
Был должен в бой вступить с одним из войск,
Ему грозивших с двух сторон, и выбрал
Мне вверенную армию он целью
Последней и отчаянной попытки,
Для нас почетной столь же, сколь опасной.
Он выступил, и тотчас день померк,
Как если б рок, слетев с небес на землю,
Крыла простер над ней, как над добычей,
Которую хотел пожрать во тьме.
Тогда, чтоб ни одной минутой больше
Мощь Рима не стояла под сомнением,
И мы, гордясь, что служим правой цели,
Построились в порядок боевой.
Тут, как войны гражданской воплощение,
Предстал нам Катилина, походивший
Скорей на духов зла, чем на людей.
У воинов его уже лежала
На лицах тень неотвратимой смерти,
Но криком, хищным, как у ястребов,
Они ее еще ускорить тщились.
Мы ждать не стали, двинулись вперед,
И с каждым новым шагом уменьшалось
Пространство меж войсками, словно узкий,
Двумя морями сжатый перешеек,
И, наконец, два мощные прилива
Слились, кипя, в один водоворот.
С холмов окрестных Фурии с тревогой
Смотрели, как их люди затмевают,
А состраданье убежало с поля,
Скорбя о тех, которые не знали,
Какое преступление - доблесть их.
Остановилось солнце в тучах пыли,
Взлетевшей к небу, и пыталось тщетно
Смирить своих напуганных коней,

Встававших на дыбы от шума боя.
 Наверно, всех сражавшихся Беллона,*
 Свирепая, как пламя, истребила б,
 Когда б тревога о судьбе отчизны
 Палладиумом * не была для нас.
 Наш перевес увидел Катилина,
 Чьи воины ту землю, где сражались,
 Уже устлали трупами своими,
 И, чтоб окончить славно путь злодейский,
 Врубился в наши тесные ряды,
 Отчаяньем и честолюбьем движим,
 Как лев ливийский, презирая раны
 И не страшась ударов беспощадных,
 Он яростно косил легионеров,
 Пока не пал в смертельном их кольце.
 Подобно дерзновенному гиганту,
 Который на богов восстал, но вдруг
 Узрел Минерву с головой Медузы *
 И начинает превращаться в камень
 Перед губящим все живое ликом,
 Хоть и не понимает, что за тяжесть,
 Как глыба, навалилась на него,
 Мятежный Катилина перед смертью
 В нас воплощение Рима увидал
 И охладел навеки, но во взгляде
 Еще читалась прежняя решимость,
 И пальцы долго шевелились, словно
 Республику пытались задушить.
 Катон
 Отважная, хоть грешная кончина!
 Когда б он честен был и жил на благо
 Отечества, а не во вред ему,
 Никто бы с ним величьем не сравнился.
 Цицерон
 Петрей, не я, а родина тебя
 Должна благодарить, хоть слишком скромно
 Ты говорил о подвиге своем.
 Катон
 Он сделал то, что мог.
 Цицерон
 Хвала бессмертным!
 О, римляне, я награжден сполна
 За все мои труды, старанья, бденья.
 Не нужно мне венков, наград, триумфов,
 Столь щедро мне дарованных сенатом,
 Коль этот день и память обо мне
 В своих сердцах навек вы сохранили.
 С меня довольно этого сознания,
 Затем что в человеке чувство долга
 Должно преобладать над жаждой славы.

Греховного в ней нет, но грешен тот,
В ком верх она над совестью берет.
Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ

КАТИЛИНА

(Catiline)

Трагедия сыграна труппой Короля в 1611 г., но сценического успеха, так же как вторая трагедия Бена Джонсона "Сеян", не имела.

Сулла, Луций Корнелий (138-78 до н. э.) - вождь аристократической партии; с 82 по 78 г. до н. э. установил в Риме военную диктатуру, которая ознаменовалась массовыми убийствами сторонников рабовладельческой демократии.

Семь холмов. - Рим расположен на семи холмах.

Коцит (миф.) - одна из рек, наряду со Стиксом, Ахероном и Летою омывающая подземное Царство.

Плутон (миф.) - бог подземного царства, брат Юпитера. Бен Джонсон, смешивая Плутона с христианским сатаной, ошибочно изображает его богом зла.

Ганнибал (248-183 до н. в.) - выдающийся карфагенский полководец, опаснейший противник Рима. Его вторжение в Италию во время Второй Пунической (пунийцы - племенное название карфагенян) войны (218-201 до н. э.) ознаменовалось беспощадным опустошением римских владений.

Грахи, братья, Тиберий (163-133 до н. э.) и Кай (153-121 до н. э.) народные трибуны, убитые в борьбе с аристократами за попытку провести земельную реформу и облегчить участь римского крестьянства. Бен Джонсон совершенно необоснованно приписывает им стремление к личной власти.

Марий, Кай (156-86 до н. э.) - римский полководец, вождь демократической партии и главный противник Суллы, применявший в борьбе за власть террористические меры против сулланцев.

Цинна, Луций Корнелий - консул в 87-86 гг. до н. э., сторонник Мария.

...Как прежде обесчестил жрицу Весты... - Враждебная Катиллине римская историография приписывает ему ряд преступлений: обесчещение весталки - жрицы богини домашнего очага Весты, служительницы которой обязаны были поддерживать в ее храме неугасимый огонь и хранить безбрачие; убийство собственного сына в угоду Аврелии Орестилле, которая отказывалась выйти замуж за Катиллину ввиду того, что у него есть взрослый сын от первого брака; кровосмесительное сожительство с дочерью и сестрой; убийство брата; умерщвление четырех сенаторов-марианцев во время диктатуры Суллы, сторонником которого был Катиллина.

...проскрипционный лист... - Проскрипциями в Риме назывались списки лиц, объявляемых вне закона.

Хоть был твой первый опыт неудачен... - Речь идет о так наз. "первом заговоре" Катиллины в 66 г. до н. э.; план его был разглашен, и выступление заговорщиков не состоялось.

Фурии (миф.) - богини мести у римлян.

Понтийская война. - Имеется в виду третья Понтийская война (74-64 до н. э.), которую Рим вел против Митридата VI, царя Понта в Малой Азии. Окончательное поражение Митридату нанес Помпей.

...С тех пор как Марс познал ее впервые. - Согласно римской мифологии, основатели Рима Ромул и Рем, второй из которых был впоследствии убит братом, родились у весталки Реи Сильвии от бога войны Марса, считавшегося поэтому прародителем римлян.

...Написано в одной из книг Сивиллы. - Имеется в виду кумека Сивилла, мифическая прорицательница, предсказания которой были собраны в так наз. "сивиллины книги".

Последние хранились в Риме с конца VI в. до н. э. и к ним в критических для государства случаях обращались за советом.

Авгуры - римские жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц. Ниже Бен Джонсон смешивает авгуров с гарусниками, предсказателями, гадавшими по внутренностям жертвенных животных.

...за Цинною и Суллой будет третьим. - Цинна и Сулла, как и Публий Лентул, принадлежали к роду Корнелиев.

Циклопы (миф.) - одноглазые великаны, подручные бога ремесел Вулкана, кующие молнии для Юпитера.

...Лентул и Курий подверглись исключению из сената. - Лентул и Курий были исключены из сената за распущенность.

Нобили - члены знатных римских семейств.

Что ни час, должны мы, - я - как Юпитер, как Юнона - ты, - друзьям являться под личиной новой... - Согласно античной мифологии, боги, полюбив смертных, представляли им в самых различных обликах, так как люди, взглянувшие на бога в его настоящем виде, умирали.

...менять ее с такой же быстротою, с какой меняют... место действия в театрах наших. - Бен Джонсон допускает анахронизм: частая смена места действия характерна для английского театра XVI-XVII вв., а не для античного, в котором строго соблюдалось единство места.

Персты ее - не розовы... - "Розоперстая" - постоянный эпитет зари у Гомера.

...От многословной гнили в красных тогах! - Римские магистраты и сенаторы носили одежду с пурпурной каймой.

Харон (миф.) - перевозчик, который на ладье переправлял души умерших через реки подземного царства.

Пенаты (миф.) - боги, покровители домашнего очага у римлян.

...Иль лень, как колпачок на ловчей птице... - ловчим птицам закрывали глаза специальным колпачком, который снимался лишь тогда, когда их спускали на добычу. Вкладывая подобное сравнение в уста римлянина, Бен Джонсон снова допускает анахронизм: соколиная охота стала известна в Европе лишь в средние века.

...убить того раба... - Римский историк Саллюстий", (86-35 до н. э.) рассказывает ("О заговоре Катилины", 22), что Катилина, приводя заговорщиков к присяге, дал им выпить человеческой крови, разбавленной вином. Однако сам Саллюстий склонен считать это выдумкой сторонников Цицерона.

Как на пиру Атрея (миф.) - Атрей - царь Микен в Греции, из мести зарезавший сыновей своего брата Фиеста и накормивший его их мясом. В наказание за этот грех боги обрекли весь род Атрея на бедствия. История вражды Атрея и Фиеста послужила сюжетом трагедии римского драматурга Сенеки "Фиест", где в сцене пира у Атрея внезапно наступает тьма, знаменующая, что совершается великое преступление.

Тетрарх (греч.) - мелкий владетель (букв. правитель четвертой части страны).

Ликторы - почетная охрана высших римских сановников. Ликторы шествовали перед магистратом, неся знаки его достоинства - фаски (пучки прутьев с топором в середине), приводили также в исполнение приговоры.

Эфесские картины... - Эфес в Малой Азии был родиной двух великих греческих художников Парразия и Апеллеса.

...тирский пурпур... - финикийский город Тир был знаменит в древности своими пурпурными тканями.

Посуда коринфская... - Коринф славился изделиями из меди.

Атталова парча - одеяния из парчи, называвшиеся так по имени Аттала III (II в. до н. э.), царя Пергама в Малой Азии, кем они были введены в моду.

Геммы - резные драгоценные камни.

Лукринское озеро - озеро в Кампании, славившееся своими устрицами.

Фазис - древнегреческое название нынешней реки Рион в Грузии, с берегов которой в Рим привозили фазанов, считавшихся редким и дорогим лакомством.

Цирцея (миф.) - волшебница, удерживавшая Одиссея своими ласками в течение года у себя на острове; в переносном смысле - обольстительная женщина не слишком строгих нравов.

...Война, сулящая добычу Риму... - Имеется в виду третья Понтийская война.

Претор - второй по рангу после консула римский сановник, осуществлявший верховную судебную власть. Во времена Цицерона преторов было восемь.

Там с парусом размером схожи наряды жен... - Слишком широкие тоги, напоминавшие, по выражению Цицерона ("Катилинарии", II, 10), "целые паруса", являлись в глазах римлян, почитавших традиции, неприличным новшеством.

Клянусь Кастором... (миф.) - Кастор и Поллукс - сыновья царицы Леды: первый - от ее мужа Тиндарея, второй - от Юпитера. Братьев, прозванных Диоскурами, соединяла такая дружба, что Поллукс отказался от бессмертия, так как Кастор был смертен. Юпитер позволил Поллуксу разделить свое бессмертие с Кастором, и с тех пор Диоскуры проводили день на Олимпе, день - в подземном царстве.

Триба - единица административного деления Рима, каждый из тридцати пяти округов, на которые был разделен Рим.

Центурия. - Имеется в виду центурия цензовая - единица деления римских граждан по имущественному положению.

Красе, Марк Лициний (115-60 до н. э.) - крупнейший римский богач, подавивший восстание Спартака; впоследствии наряду с Помпеем и Цезарем член первого триумvirата.

Он выскочка и в Риме лишь случайный жилец... - Цицерон родился не в Риме, а в городе Арпине на юге Лация.

...он в Афинах мудрости набрался... - В 80-78 гг. до н. э. Цицерон с братом жил в Афинах и Малой Азии, углубляя свое ораторское образование.

...Кентавры (миф.) - лесные демоны, полулюди-полулошади. Античная традиция приписывала им дикий похотливый нрав и пристрастие к вину.

...не... как Европу с Ледой, а как Данаю... - Юпитер соблазнил Леду, приняв обличие лебедя, похитил Европу, превратившись в быка, и проник к заключенной в башню Данае в виде золотого дождя.

Сестерций - римская серебряная монета.

...Сорвать твою трагическую маску. - В античном театре актеры выступали под масками.

Лаиса стать Лукрецией решила? - Лаиса - имя двух древнегреческих куртизанок; в переносном смысле - женщина вольного поведения. Лукреция римлянка, которая, будучи обесчещена сыном царя Тарквиния Гордого, покончила с собой.

...И в землю дрот воткнет над ней глашатай... - Дротик, воткнутый в землю, служил у римлян знаком продажи с торгов.

...светла ты, Фульвия моя, как имя светлое твое. - Фульвия по-латыни означает "сверкание, сияние".

...как Брут в былые дни... - Имеется в виду Луций Юний Брут, основатель Римской республики, один из двух первых римских консулов (509-508 до н. э.). По преданию, приговорил к смерти родного сына за участие в заговоре, имевшем целью восстановление царской власти.

Камилл, Марк Фурий - римский полководец, пять раз бывший диктатором. Ложно обвиненный, удалился в добровольное изгнание, но когда в 390 г. Рим был захвачен галлами, поспешил на родину и освободил город.

Сципионы - патрицианский род, давший Риму многих выдающихся полководцев и государственных деятелей, из которых наиболее известны: Публий Корнелий Сципион Африканский-старший (235-183 до н. э.), победоносно завершивший Вторую Пуническую войну, и Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский младший (185-129 до н. э.), по приемному отцу внук Публия Корнелия-старшего, взявший и разрушивший в 146 г. до н. э. Карфаген, падением которого завершилась Третья Пуническая война.

Марсово поле - место народных собраний в древнем Риме.

...ни погребальных урн, ни восковых изображений предков... - В семьях римской знати хранились урны с прахом предков и восковые их маски (позднее вместо последних в обиход вошли мраморные бюсты). Наличие их в доме доказывало древность рода хозяев.

...чуть лет положенных достиг... - Римлянин мог быть избран консулом только по достижении сорока трех лет.

Ну как актер, играя Геркулеса, без гидры обойдется? - Согласно античной мифологии, в числе двенадцати подвигов Геркулеса было умерщвление Лернейской гидры - многоголового чудовища с телом змеи.

Ведь претором он избран. - Для того чтобы лицо, исключенное из сената, могло быть восстановлено в списках, оно должно было быть избрано на должность не ниже преторской.

...деревянным изваяньем хранителя садов... - Статуи покровителя бога Приапа обыкновенно изготовлялись из дерева и часто служили пугалом для птиц.

Зачем лицо прикрыл я отравленною маскою терпенья? - Катилина сравнивает себя с Геркулесом. Согласно мифу, кентавр Несс, перевозивший через реку супругу Геркулеса Деяниру, пытался овладеть ею и был убит стрелой героя. Умирая, Несс из мести сказал Деянире, чтобы она собрала его кровь, которая поможет ей, если понадобится, сохранить любовь мужа. Деянира выткала и послала Геркулесу одежду, пропитанную отравленной кровью Несса, что и явилось причиной гибели героя.

...Вот человек, который, если пламя... - Катилина сравнивает Цетега с Прометеем, похитившим для людей небесный огонь и прикованным за это к Кавказским горам, где коршун выклевывал ему печень.

...два гиганта древних... (миф.). - Гиганты - буйные великаны, сыновья Геи - земли и Урана - неба, восставшие против олимпийских богов, за что те после ожесточенной борьбы истребили их.

Квириды - название полноправных граждан Рима,

Кронид - Юпитер, сын Кроноса.

...ран, гражданскою войною нанесенных... - Имеется в виду первая гражданская война (88-82 до н. э.) между сулланцами и мариянцами.

Терентия - первая жена Цицерона.

Прикованная Азия - то есть пленные азиатские цари, которые, по римскому обычаю, будут прикованы к колеснице триумфатора.

...провинцию, которой сенат меня назначил управлять. - Консулы и преторы, отбывшие свою годовичную службу, назначались наместниками провинций в звании проконсулов и пропреторов. Цицерон после консульства должен был получить богатую Македонию, но отдал ее Каю Антонию, запутавшемуся в долгах, и этим привлек его на свою сторону.

Не стать змее драконом, не пожрав нетопыря. - Бен Джонсон несколько перефразирует древнегреческую поговорку: "Пока одна змея не сожрет другую, ей не стать драконом", то есть маленький злодей не станет большим, пока не уничтожит другого злодея.

...из глины сортом выше, чем та, какую мят титан-горшечник. - Согласно мифу, Прометей вылепил первого человека из глины.

Пицен - область в средней Италии к югу от Аконы, примыкавшая к Адриатическому морю.

Юлий - имеется в виду не Кай Юлий Цезарь, а его однофамилец Кай Юлий.

Фезулы (ныне Фьезоле) - город в северной части Этрурии (теперешней Тосканы), области, где Сулла, конфисковав земли у местных жителей, расселил своих ветеранов.

...серебряный орел... - Изображение орла служило у римлян легионным знаменем.

Кимвры - германское племя, угрожавшее Италии в конце II в. до н. э. и разгромленное Марием в 101 г. до н. э.

...будет он, как и встарь, для Рима роковым. - Катилина хочет сказать, что он пойдет по стопам Мария, то есть развяжет гражданскую войну.

...вся Галлия... и Бельгика. - Бен Джонсон неточен: в год заговора Катилины (63 г. до н. э.) Риму принадлежала только южная Галлия. Остальная часть Галлии и Бельгика были завоеваны Цезарем в 58-50 гг. до н. э.

Сатурналии - многодневный римский праздник в память "золотого века" ("века Сатурна"), начинавшийся 17 декабря. В дни сатурналии царило всеобщее веселье и рабы получали временную свободу.

...маки попирающий Тарквиний... - Секст, сын римского царя Тарквиния Гордого, хитростью проникнув в город Габии, послал гонца к отцу с вопросом, как ему лучше всего завладеть городом. Тарквиний вместо ответа стал прохаживаться по полю, сбивая головки самых высоких маков. Секст понял намек, перебил самых знатных граждан Габий и завладел городом.

Харибда (миф.) - чудовище, якобы жившее в пещере у пролива между Италией и Сицилией. Напротив Харибды жило другое чудовище - Сцилла.

Клиентами прикиньтесь и под предлогом утренних приветствий... Клиентами назывались плебеи, поручавшие себя защите и покровительству какого-нибудь патриция, становившегося их патроном. По обычаю, утром клиенты приходили в дом патрона, чтобы пожелать ему здоровья.

...войско, что из зубов дракона родилось... - Из зубов дракона, убитого аргонавтом Ясоном, который засеял ими посвященное богу войны поле, выросли воины, готовые броситься на героя, но тот, по совету влюбленной в него волшебницы Медеи, бросил в толпу их тяжелый камень. Воины вступили в битву между собой и перебили друг друга.

Всю нашу землю, чьим сынам не терпится затеять вновь восстание. - Намек на гигантов. См. прим. к стр. 486.

Аллоброги - галльское племя, жившее в бассейне реки Роны и покоренное в 121 г. до н. э. Квинтом Фабием Максимом, после чего, по обычаю римлян, представители рода Фабиев сделались патронами покоренного народа.

Храм Юпитера Статора. - Заседания сената назначались обычно в специальном помещении (курии). Для данного заседания Цицерон выбрал храм Юпитера Статора (stator - охранитель, учредитель, защитник), так как это священное место должно было предохранить сенаторов и консулов от возможных эксцессов со стороны сообщников Катилины.

Отцы - официальное наименование римских сенаторов.

Ата (миф.) - богиня мгновенного безумия, толкающая людей на безрассудства и преступления.

Палатин - один из семи римских холмов, местожительство самых богатых и знатных граждан. В тревожное время Палатин как один из важнейших пунктов города охранялся усиленными военными нарядами.

...уже издал сенат против тебя постановление. - Имеется в виду так наз. "senatus consultum ultimum" - "чрезвычайное сенатское постановление" о предоставлении консулам неограниченных полномочий, вводившее на территории Италии осадное положение.

...в пятый день после календ ноябрьских... - Календа - первый день месяца у римлян. Пятое число после ноябрьских календ по древнеримскому календарю соответствует нашему 28 октября.

Пренеста - город и важная крепость к югу от Рима, которую Катилина намеревался

превратить в свой опорный пункт.

...вашу сходку этой ночью... в доме Леки... - Собрание заговорщиков накануне выступления Цицерона в сенате действительно состоялось в доме Леки, а не в доме Каталины, как вытекает из текста пьесы (см. д. III, сц. 3). Стремясь точно следовать первой речи Цицерона против Каталины, Бен Джонсон впадает в противоречие с самим собой.

Не стану и разоренья твоего касаться (оно к ближайшим идам станет явным)... - Иды - середина месяца (13 или 15 число). В этот день обычно производились платежи и опротестовывались просроченные обязательства.

Не ты ль стоял при консульстве Лепида и Тулла на комиции... - Цицерон напоминает о "первом заговоре" Каталины (см. прим. к стр. 428). Комиций площадь, прилегающая к форуму. На ней происходили народные собрания.

Тантал (миф.) - царь Аргоса, за оскорбление богов низвергнутый в Аид и осужденный на вечные муки.

Титий (миф.) - гигант, пытавшийся обесчестить богиню Латону. За это он был низвергнут в Аид, где два коршуна непрерывно терзали его печень.

Консуляры - сенаторы, ранее занимавшие должность консула.

Форум Аврелия - торговое местечко в Этрурии.

...этот гладиатор. - К гладиаторам римляне относились очень пренебрежительно: к их услугам они иногда прибегали при совершении различных преступлений.

Массилия - греческая колония на юге Галлии (ныне Марсель), издавна находившаяся в союзе с Римом и под его покровительством.

Парки - богини судьбы.

Часть их сил разбита Метеллом Целером. - Бен Джонсон неточен: претор Квинт Метелл Целер, отправленный по приказу сената с войском в Пицен, арестовал некоторых эмиссаров Каталины, направленных им в провинции, но в бой со сторонниками Каталины не вступал.

Фукидид (460-400 до н. а.) - древнегреческий историк. В своей "Истории Пелопонесской войны" он приводит ряд примеров того, как послы выполняли функции разведчиков, хотя нигде не определяет посольскую службу так, как это приписывает ему Бен Джонсон

Ипполит (миф.) - сын афинского царя Тесея, чуждавшийся женщин и проводивший все время на охоте. Оклеветанный влюбленной в него мачехой, которую он отверг, Ипполит был проклят отцом, который попросил морского бога Посейдона покарать юношу. Когда Ипполит на колеснице мчался по берегу моря, Посейдон послал из моря чудовище. Кони испугались и понесли. Ипполит упал с колесницы, запутался в вожжах и погиб.

Калипсо (миф.) - нимфа, державшая семь лет в плену Одиссея на своей острове Огигии; в переносном смысле - красивая и красноречивая женщина.

Меркурий (миф.) - вестник богов, глашатай Юпитера; в переносном смысле - гонец, вестник.

Капаней (миф.) - один из семи греческих героев, участников похода против города Фивы. Во время штурма похвастался, что его не остановит сам Кронид. За это верховный бог поразил Капанея молнией, когда тот уже взобрался на городскую стену.

Трибун - имеется в виду так наз. военный трибун, - начальник легиона.

Префект - в эпоху Цицерона начальник конного отряда.

Легат - помощник главнокомандующего.

Мульвийский мост - мост через Тибр в двух милях к северу от Рима. Через него шла дорога в Этрурию.

...чудовища, которых рождает солнцем разогретый ил. - Во времена Бена Джонсона существовало поверье, что крупные пресмыкающиеся южных стран рождаются из ила под воздействием солнца.

Пускай орлы взметнутся - см. прим. к стр. 501.

Пусть помнят Квинт Катул и Кай Пизон... - Катул и Кай Пизон питали к Цезарю вражду по личным мотивам: первый - потому, что должность верховного жреца, которой он домогался, досталась Цезарю; второй - потому, что Цезарь обвинил его в незаконном предании казни одного из жителей транспаданской Галлии (Северной Италии), где Кай Пизон был наместником.

...нищенствовать на мостах... - Мосты через Тибр были излюбленным местом стоянки римских нищих.

...подвергнуть их домашнему аресту на поруках... - Обвиняемые, принадлежавшие к знати, до формального разбирательства отдавались на поруки сенаторам и магистратам, под наблюдением которых и осуществлялся их домашний арест.

Эдил - помощник консула по управлению городом, заведовавший полицией и устройством общественных игр и празднеств. Во времена Цицерона эдилов было четыре.

...пусть Лентул сперва сан претора с себя публично сложит. - По обычаям Рима, лица, занимавшие должности магистратов, не могли быть арестованы до истечения их полномочий.

Дубовый венок - высшая награда, дававшаяся за спасение согражданина на войне.

...единственный из граждан, одетых в тогу... - Тога - одежда римлян в мирное время. Цицерон хочет сказать, что те высокие награды, которых он удостоен, раньше давались только полководцам, что он первое штатское лицо, получившее их.

...в столь многолюдном заседании вашем. - Решения сената считались тем авторитетнее, чем больше сенаторов присутствовало на заседании.

Два войска с двух сторон нас обложили... - со стороны Рима - войско консула Кая Антония; со стороны Галлии - войско претора Метелла Целера.

Муниципий - провинциальный город с правом самоуправления, жителям которого присвоены права римских граждан.

Колония - военное поселение римлян в завоеванной провинции.

...как консул будущего года, скажи нам первый мнение свое. - Лица, избранные магистратами на будущий год, высказывались на заседаниях сената и военных советах первыми, так как им, во многих случаях, и предстояло осуществлять принимаемые решения.

Беллона (миф.) - богиня войны, супруга Марса.

Палладиум - изображение вооруженного божества, чаще всего богини мудрости Афины Паллады (у римлян - Минервы), считавшееся охранителем города; в переносном смысле - опора, оплот, защита.

Медуза (миф.) - чудовище в образе женщины, взглянув на голову которой человек превращался в камень. Герой Персей умертвил Медузу, и голову ее прикрепил к своему щиту Минерва, принимавшая деятельное участие в борьбе богов с гигантами.

А. Смирнов